

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Кафедра истории древнего мира и средних веков
НОЦ «Византиноведение»

**Проблема континуитета
в византийской и поствизантийской
истории**

Тезисы докладов XIII Международных научных
Сюзюмовских чтений
Екатеринбург 18-20 ноября 2010 года

Екатеринбург 2010

УДК 903/904

ББК ТЗ(0)3 + ТЗ(0)4

П 423

Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тез. докл. XIII Межд. науч. Сюзюмовских чтений, Екатеринбург, 18-20 ноября 2010 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 110 с.

Оргкомитет

XIII Международных научных Сюзюмовских чтений:

д.и.н., профессор ***Поляковская М.А.*** (председатель)

д.и.н., профессор ***Степаненко В.П.***

к.и.н., доцент ***Куц Т.В.*** (зам. председателя)

к.и.н., доцент ***Мохов А.С.*** (зам. председателя)

инженер-исследователь ***Охлунина И.С.*** (секретарь)

Материалы конференции подготовлены при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).

© Уральский государственный университет им. А.М. Горького

© НОЦ «Византиноведение»



ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уральская школа византиноведения ведет свою историю с 1960 г., когда вышел в свет первый выпуск научного сборника *«Античная древность и средние века»* (АДСВ), ныне ставшего известным и авторитетным в гуманитарных научных кругах, как в России, так и за рубежом. Основателем Уральской школы византиноведения является доктор исторических наук, профессор *Михаил Яковлевич Сюзюмов* (1893–1982), выпускник Юрьевского университета, ученик известного петербургского ученого профессора В.Э. Рогге. Благодаря М.Я. Сюзюмову и созданной им научной школе Екатеринбург признан одним из ведущих центров византиноведения в России. В 2009 г. в Уральском государственном университете был создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Византиноведение», в который вошли как ученые старшего поколения (ученики М.Я. Сюзюмова), так и молодые исследователи, аспиранты и студенты. Исследовательский проект НОЦ «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение» в 2010 г. получил поддержку Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», что свидетельствует о значительном научном потенциале Уральской школы византиноведения.

Начиная с 1983 г. кафедра истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета провела 12 *научных Сюзюмовских чтений*, посвященных памяти выдающегося ученого-основателя школы, участие в которых принимали как отечественные, так и зарубежные византинисты. XIII Международные Сюзюмовские чтения приурочены двум крупным датам, которые отмечаются в 2010 г.: 90-летию

Уральского государственного университета им. А.М. Горького и 50-летию Уральской школы византиноведения.

Основной идеей научных изысканий М.Я. Сюзюмова всегда оставалась концепция континуитета – непрерывности исторического развития, присущая Византии, непосредственной преемнице античных традиций при переходе к средневековью. Неслучайно для очередных Сюзюмовских чтений была выбрана тема «Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории». Мы надеемся, что научный форум, собравший специалистов по истории византийской цивилизации, будет способствовать сохранению лучших традиций научной школы и творческому обмену идеями.

Оргкомитет



Н.А. Алексеенко
(Севастополь)

МОЛИВДОВУЛЫ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА: НАХОДКИ ПРЕЖНИХ ЛЕТ ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ

Нумизматический бум второй половины XX столетия в среде нумизматов-любителей породил многочисленных собирателей самых различных древностей, в том числе подвесных печатей-моливдовулов. В ходе различных обменных операций артефакты достаточно часто переходили из одних рук в другие и нередко данные об их происхождении терялись. Проследить «миграции» находок и получить доступ к материалу было сложно, а порой и невозможно. Однако в последние годы наметилась тенденция к укрупнению коллекций, что, безусловно, способствует не только более детальному учету каждой находки, но и возможности вводить новые материалы в научный оборот.

Особый интерес среди сфрагистических памятников представляют буллы сохранившие сведения о своем происхождении.

Обширная коллекция византийских подвесных свинцовых печатей, происходящих с территории Херсонеса-Херсона постоянно пополняется за счет новых находок, как на самом городище, так и из прибрежной акватории, частично захватившей отдельные постройки древнего города, и куда в свое время ссыпался грунт из раскопок конца XIX – первой половины XX в.

Найденные в разные годы XX в. в прибрежной части Херсонесского городища моливдовулы, собранные в настоящее время в одной из российских коллекций, каталог которой мы готовим в последнее время к изданию, представляют традиционную группу памятников сфрагистики, отражающие основные этапы византийской истории.

Это в первую очередь ранневизантийские буллы с блоковыми монограммами (V–VI вв.: Аркадия, М-104 и Аратия, М-117), с зооморфными изображениями (VI–VII вв.: Льва, М-107 и Силайоса, М-105), со сложными крестообразными монограммами (VII–VIII вв.: Анастасия или Лаврентия (?), М-102 и Продентия, М-108). Абсолютное большинство из них представлено уникальными экземплярами с редкими, не имеющими аналогий, именами.

Доминирующая часть рассматриваемого материала представлена моливдовулами IX–XI вв.

Основную группу здесь составляют печати представителей местной администрации Херсона. Среди них имеются как хорошо знакомые по предыдущим публикациям буллы, так и ранее неизвестные. Два моливдовула принадлежали архонту Григорию (первая половина IX в., М-064 и М-065, 12-й и 13-й экземпляры этой пары матриц). Еще один экземпляр дополняет группу печатей Сергия, ἐκ προσώπου Херсона (конец IX – начало X в., М-068, 6-й экз. той же пары матриц, что и ранее известные). Несколько печатей представляют херсонских стратигов X–XI вв. Два моливдовула второй половины X в. принадлежали стратигу Епифанию: один представляет владельца в ранге императорского протоспафария (М-099, 9-й известный экз.), а другой – императорского протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτορικλίνου (М-069, 5-й экз.). Несколько печатей подчеркивают принадлежность их владельцев к высшим аристократическим кругам, указывая родовые имена. Это моливдовулы императорского протоспафария Льва Цулы (конец X в., М-098, 2-й экз. той же пары матриц, что и печать из собрания Государственного Эрмитажа), императорского протоспафария Иоанна Протевона (конец X в., М-100, 7-й экз.).

К этой же группе относим печать рубежа X–XI вв. с двусторонней надписью (М-066), на которой из-за неудовлетворительной сохранности буллы родовое имя и топоним восстанавливаются лишь предположительно. Если мы правильно реконструировали надпись, легенда гласит следующее: «Богородица, помоги рабу своему Сатеру (?) императорскому протоспафарию и стратигу Херсона из рода Иаситов (?)». Это новый, ранее неизвестный представитель семейства Иаситов.

Еще одна печать, принадлежавшая должностному лицу городской администрации Херсона позволяет снять ряд вопросов, возникших ранее при публикации аналогичного экземпляра. Речь идет о печати патрикия Калокира (конец X – начало XI в., М-067). Значительно лучшая сохранность данного экземпляра той же пары матриц позволяет с уверенностью говорить, что печать действительно принадлежит Калокиру, патрикию, стратилату и протевону Херсона.

Среди печатей, относящихся к имперским службам следует отметить обилие в Херсоне моливдовулов главных логофетов. В рассматриваемой группе они также присутствуют.

Две печати первой половины X в. принадлежали логофету Льву. Причем на одной из них владелец является императорским протоспафарием (М-112, два аналогичных экземпляра из херсонского архива печатей были изданы нами ранее). Другая печать – примикирия и императорского протоспафария (М-113, два аналогичных экземпляра из-

вестны в Херсоне, еще один – на Тамани). Следующая печать принадлежала анфипату, патрикию и императорскому протоспафарию Элисию (вторая половина X в., М-022). Аналогичные экземпляры известны из херсонского и преславского архивов.

К группе торгово-таможенных булл относится печать коммеркиария Феодота (конец IX – начало X в., М-023).

Заключительная группа знакомит нас с отдельными представителями знатных фамилий, которые вели переписку с местными функционерами. Печать второй половины – конца X в. с пышно процветшим патриаршим крестом на лицевой стороне принадлежала Георгию, нотарию и хартуларию из рода Цул (М-110). Связывать владельца данного моливдовула с известным стратигом Херсона проблематично. Возможно, эта печать относится к начальному этапу его карьеры.

Моливдовул с изображением на лицевой стороне Богородицы, восседающей на троне, принадлежал чиновнику имперского юридического ведомства. Владелец печати являлся Николаем Калофитом, экзактор (XII–XIII в., М-103). По византийским источникам фамилия Калофитов известна в XIII–XV вв. (PLP, Bd. 5). По сфрагистическому типу печать можно датировать началом XIII в. Однако, по стилистическим особенностям она, скорее, тяготеет к памятникам XI–XII вв. Заметим, что из Херсона происходят еще две аналогичные печати (не изданы).

По мнению Н. Икономидиса, экзактор – это юрист в сфере гражданского права, занимавшийся делами опеки. Впервые эта должность упоминается в «Тактиконе Икономидиса» 971–975 гг. Некоторые печати экзакторов показывают, что обязанности юриста они могли совмещать с фискальными функциями.

Последний моливдовул является частным и дает лишь преном и патроним владельца – Константин Маврокатакалон (первая четверть XII в., М-114). Представители семейства Маврокатакалонов известны по письменным источникам и памятникам сфрагистики. О Григории и Николае пишет Анна Комнина. В «Алексиаде» они упомянуты в числе военачальников Алексея I во время войн с печенегам в 1087–1091 гг. Известны также печати Григория, Димитрия и Николая Маврокатакалонов. Примечательно, что все они очень близки по стилистике и датируются издателями концом XI – началом XII в. К сожалению, о Константине Маврокатакалоне, так же как о Димитрии, никаких свидетельств кроме личных печатей не сохранилось.

Рассмотренные печати, происходящие с территории Херсонесского городища, дают интересные сведения о широких и разнообразных кон-

тактах администрации и жителей города. Они в очередной раз подтверждают тезис о важности и ценности памятников сфрагистики как для византийской истории в целом, так и для ее отдельных аспектов.



Х.-Ф. Байер
(Екатеринбург)

КОРПУС ПИСЕМ ГРИГОРИЯ КИПРСКОГО

Занимаясь в течение нескольких лет корпусом писем Григория Кипрского, О.В. Замятина и я перевели почти все на русский язык. Что касается греческого оригинала, мы опираемся на огромное кодикологическое исследование, проведенное бельгийским ученым W. Lameere и опубликованное в 1937 г. Чтобы дать представление о его работе, достаточно упомянуть, что сохранились 35 рукописей с письмами Григория. С 16 из которых работал W. Lameere. Письма Григория служили образцом греческой эпистографии и вообще греческого языка, извлечения из них были даже записаны в поздневизантийском *Lexicon Vindobonense*. W. Lameere выделил кодексы *Mutinensis* 82 (M) и *Vaticanus Graecus* 1085 (V) как «*manuscripts principaux*».

Издание греческого ученого Софрония Евстратиадиса 1910 г. опирается на две Венские рукописи, *Vindobonensis historicus Graecus* 101 и *Vindobonensis philologicus Graecus* 195. Мы исправили издание С. Евстратиадиса по данным предпочитаемых W. Lameere рукописей Модены и Ватикана. Значительных расхождений между ними нет, но есть варианты. 13 писем переданы только в *Vaticanus Graecus* 1085, 21 письмо – только в рукописях Ватикана и Модены, 1 письмо и 3 документа – только в рукописи Модены. В итоге 35 писем и 3 документа до настоящего времени не изданы. Их переводом мы в настоящее время занимаемся, как и перепиской и переводом некоторых писем, сохранившихся только в *Vindobonensis philologicus Graecus* 195, но уже изданных С. Евстратиадисом.

Наш интерес относится не столько к языку, сколько к исторической значимости писем, хотя они являются и важными для знакомства с древнегреческим языком византийского толка. В перечне W. Lameere указаны 242 письма и 5 официальных документов. До № 170/184 письма имеют одинаковую нумерацию в двух главных рукописях и в издании С. Евстратиадиса. Но затем начинается определенная путаница.

Предполагают, что письма до № 170/184 поставлены в хронологическом порядке. Разделены письма промежуточным заглавием перед письмом № 115/128 на письма до патриаршества Григория Кипрского и во время его.

Известно, что византийцы почти никогда не датировали писем. Но из внутренних данных можно вывести, что корреспонденция, сохранившаяся в корпусе, начинается около 1274 г. и заканчивается 1289 г., датой отказа Григория от патриаршего престола. Мой учитель Густав Г. Карлссон и до него Иоанн Сикутрис занимались преимущественно литературными стереотипами, встречающимися в византийской эпистографии. Однако письма состоят не только из вежливых формул, с которыми знать и другие образованные люди обращались друг к другу. Хотя жители авторитарного государства избегали сообщений конкретных данных и передавали их устно, были осторожны с упоминанием имен, пропускали в адресах имена бывших друзей, становившихся недругами, мы узнаем от Григория Кипрского многое о положении церкви до и после восстановления Православия, о быте византийцев и о личной трагедии, связанной с его болезнями и с интригами, которые принудили Григория Кипрского отказаться от патриаршества.



Н.Д. Барабанов
(Волгоград)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПРИХОД: МЕЖДУ ЯЗЫЧЕСТВОМ И ХРИСТИАНСТВОМ

Значимость изучения приходской системы в Византии определена уже тем обстоятельством, что в пределах нижних единиц церковной структуры протекала религиозная жизнь миллионов рядовых жителей империи, тех самых «овец», пасти которых был призван весьма значительный в количественном отношении сонм священнослужителей. В историографии теме прихода уделено значительное внимание. Достаточно назвать широко известные исследования Е. Хермана, Б. Ферьянчича, М. Каплана, Ж. Дагрона, Д. Томаса, Е. Папаянни, Ш. Герстель и А.-М. Толбот. Однако в изучении различных аспектов сюжета заметна существенная диспропорция — предпочтение отдано церковно-административным вопросам, роли приходов в процессе христианиза-

ции, а также положению клира и проблемам его материального обеспечения. В данном докладе рассматривается религиозная жизнь приходов с целью выявления в ней комплекса ритуалов и представлений, относящихся к сфере «народной религиозности», то есть отражающих специфику массового религиозного сознания. В источниковой базе материалы для осмысления темы сохранились крайне неравномерно. Можно выделить совокупность текстов VI–VII вв. (агиографические сочинения и акты Трулльского Вселенского собора), информацию из памятников XI–XII вв. (труды Феодора Вальсамона, канонические вопросы-ответы, полемический трактат Льва Тосканского), а также ряд источников XIII–XV столетий (акты константинопольского патриархата, сочинения Иосифа Вриенния, Номоканон при Большом Требнике). Следует отметить, что база данных византийского времени существенно дополнена сведениями, которые почерпнуты из фонда греческой этнографии нового и новейшего времени. Речь идет о применении с их помощью метода ретроспекции, значительно расширяющего возможности анализа темы.

Поскольку византийские материалы не позволяют изучать историю отдельных приходов, или даже системы приходов какой-либо епархии или города, основу исследования составляет обобщенный образ прихода, имеющий в качестве скелета модель типичной приходской структуры, компонентами которой выступают храм, клир и община прихожан.

Храм, особенно из числа так называемых общих церквей, должен был быть средоточием жизни прихода. Однако византийский религиозный пейзаж, как в городах, так и в сельской местности, отличался большим разнообразием, и конкуренцию храму составляли многочисленные часовни, семейные молельни и расположенные поблизости монастыри, предоставлявшие мирянам доступ к сакральному пространству и необходимым ритуалам. Немало имелось культовых сооружений расположенных внутри частных жилищ. Стремление византийцев удовлетворять религиозные потребности с их помощью вызывало негативную реакцию духовенства, осуждавшего пренебрежение общественными богослужениями. Тем не менее, не только храм, но пространство вокруг него играли роль сакрального локуса – здесь совершались публичные обряды, в частности, освящался скот во время весеннего выгона на пастбища.

Положение и роль клира в городах и в сельской местности существенно отличались. В деревнях клирики были глубоко интегрированы в крестьянское сообщество и в массе мало отличались от рядовых при-

хожан, хотя и обладали более высоким социальным статусом. Источники зафиксировали готовность духовенства идти навстречу запросам паствы даже в тех сферах, которые выходили за пределы дозволенного. Тем не менее, сохранилось немало примеров пренебрежительного отношения мирян к клирикам.

Что касается приходского сообщества, то именно оно выступало хранителем древних, глубоко укорененных традиций, и тщательно следило за их соблюдением. Это касается праздников языческого происхождения, иногда подвергавшихся поверхностной христианизации, аграрного ритуального цикла, публичных кровавых жертвоприношений и всего того, что связано с обрядами перехода (рождение, брак, смерть). Роль храма и приходского духовенства была в этом сложнейшем комплексе исключительно важной. Однако остается пока открытым вопрос: можно ли признать ее доминирующей?



Н.Н. Баранов
(Екатеринбург)

ИМПЕРСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ ВИЛЬГЕЛЬМИНСКОЙ ГЕРМАНИИ

На рубеже XIX–XX вв. христианский мир заговорил о «желтой угрозе». Термин, впервые употребленный известным в свое время французским экономистом и публицистом П.Л. Болье, стал активно внедряться в массовое сознание населения ведущих стран запада, прежде всего Германии, для разжигания неприязни к азиатским народам, прежде всего китайцам и оправдания, таким образом, империалистической экспансии на востоке.

Особое место в изобразительной пропаганде, где преобладал карикатурный образ врага, занимает литография представителя немецкой школы академической живописи Германа Кнакфуса «Народы Европы, защитите свои святыни!»

Она была создана в 1895 г., раньше других известных произведений подобного рода, по эскизу самого кайзера Вильгельма II и была передана в дар царю Николаю II. Подарок сопровождался просьбой держать под контролем Восток, откуда исходила угроза странам Европы («угрожающая опасность используемого Японией китайского на-

тиска»). С учетом «травматического опыта», полученного цесаревичем в Японии, дар не мог не произвести должного эффекта. Картина царю понравилась, а кайзер записал в дневнике: «Это действует, если он так сильно обрадовался».

В центре композиции на переднем плане на высоком обрыве – архангел Гавриил с пламенеющим мечом – покровитель немцев. Здесь же слева от него – группа женщин в образах валькирий, символизирующих страны Европы (справа налево): Франция (Марианна), Германия, Россия, Австро-Венгрия, Италия, Британия, Греция (?). В надвигающихся с востока и нависающих над европейским ландшафтом грозowych тучах на столбе пламени восседает Будда. Характерно, что впоследствии образ Будды не получал настолько негативной трактовки. Этим аллегорическим изображением Вильгельм II хотел призвать христианские народы Европы к совместной борьбе против «безбожного буддизма». Художественными средствами с использованием узнаваемых символов античной и христианской мифологии выражена идея интеграции европейских империй перед лицом общей опасности.

Стоит отметить, что массовый интерес к картине заметно вырос в связи с отправкой немецкого восточноазиатского корпуса на подавление боксерского восстания в Китае. Многие из солдат в ходе экспедиции имели при себе репродукции картины и иногда снабжали изображение припиской «Пошады не давать!» – прямой цитатой из «Гуннской речи» кайзера 27 июля 1900 г.



Н.И. Бармина
(Екатеринбург)

БАЗИЛИКА: ПРОСТРАНСТВО СОВЕРШЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ОБРЯДОВ

В период становления христианства светская римская базилика постепенно трансформировалась в сооружение, которое соответствовало требованиям нового вероучения: в ней можно было проводить службы и совершать таинства. Однонефные, чаще трех- или пятинефные постройки, со стропильным перекрытием, разработанным алтарным пространством, широким нартексом, четкой ориентацией запад-восток, скупым внешним декором и богатым внутренним убранством повсеме-

стно сооружались на территории Римской империи в IV–VI вв. После сооружения Софийского собора в Константинополе приоритет был отдан крестово-купольной архитектуре. Вместе с тем, в горной Греции, Малой Азии, Болгарии и Северном Причерноморье продолжали строить базилики, так как их возведение не требовало значительных трудовых и экономических ресурсов.

К их числу относится и Мангупская базилика в Юго-Западной Таврике. В процессе ее исследования в 1938 г. здесь были обнаружены остатки крещальни. По мнению М.А. Тихановой, эта постройка была создана одновременно с храмом в VI в.

В ходе исследования базилики (1967–2005 гг.) были выделены четыре основных периода возведения крупного христианского ансамбля на Мангупе. Происходившие изменения обусловили «перемещения» пространства совершения таинств крещения и миропомазания. К концу XIII – началу XIV в. купель оказалась в северо-восточном храме, около которого была построена большая базилика. В итоге, здание старой крещальни пришло в упадок.

Последняя перестройка, происходившая около 1425 г., полностью видоизменила архитектурный облик базилики. Вместо величественного собора, некогда центра Готской епархии, на месте южного нефа появилась часовня феодоритского князя Алексея. Отметим, что еще при раскопках Р.Х. Лепера в 1912–1914 гг. была обнаружена капитель, искусно выполненная из проконесского мрамора в виде резного аканфа. В верхней части капители было сделано углубление, что позволило Р.Х. Леперу интерпретировать находку как «переносную» купель. Можно предположить, что обряды крещения и миропомазания продолжали осуществляться в алтарной части этой часовни.

Очевидно, что невозможно обнаружить археологических подтверждений проведения таинств причащения, покаяния, священства, брака и елеосвящения. Вместе с тем выявлено множество свидетельств обрядовой деятельности на протяжении с VI по XV вв. – похорон и поминальных трапез. Доказательством тому служат 78 гробниц и 482 грунтовых захоронения. Результаты анализа погребальных памятников показывают, что наряду с христианской обрядностью производились и языческие ритуалы.

Таким образом, пространство Мангупской базилики обладало качеством транзитивности: в зависимости от исторических обстоятельств перемещалась локализация совершения религиозных ритуалов, сакральный континуум «дополнялся» языческой «составляющей». Базилика наглядно отражает перипетии судьбы Мангупского

городища, изменения этноконфессионального состава его населения, плюралистический характер субкультуры региона.



Н.Н. Болгов, Е.А. Красникова
(Белгород)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ БОСПОР: ПРОБЛЕМЫ КОНТИНУИТЕТА

Понятие «континуитет», будучи калькой с латинского *continuitas*, невозможно выразить по-русски одним словом. Поэтому представляется необходимым вывести несколько составляющих данного феномена. Первая составляющая подразумевает простую преемственность эпох, продолжение прошлого (или отдельных его явлений) в будущем (*survivance*). При этом преемственность может наблюдаться в области материальной культуры, производственных традиций, отчасти в идеологии (христианство), отчасти в государственно-политической сфере. Однако, как правило, на данном уровне на смену государству античного типа приходит варварское раннегосударственное образование, которое лишь пытается имитировать античные политические институты, или делать вид, что античное государство, уже исчезнувшее, продолжает существовать. Вторая составляющая является темпоральной характеристикой и представляет собой непрерывность происходящих процессов, отсутствие дискретности, лакун на протяжении всей переходной эпохи. Третья составляющая включает в себя единство и качественную целостность всех эволюционных процессов. Попытка современного специалиста вычленить какую-либо линию континуитета из общего потока представляется нам методологически неверным шагом, искажившим бы целостную картину.

Проблемы континуитета между античной и византийской эпохами в теоретическом плане отечественными специалистами почти не рассматривались. Для региона Северного Причерноморья никто из авторов в подобном ракурсе проблему вообще не ставил до конца 1980-х гг. Гораздо большее внимание уделялось эпохе VII–VIII вв. («темных веков») в связи с общими проблемами рождения Византии. Постепенно выработалось две основных точки зрения. А.П. Каждан отстаивал

мысль о частичном дисконтинуитете в развитии эпохи. М.Я. Сюзюмов же последовательно утверждал идею континуитета.

Нам представляется, что общетеоретические взгляды М.Я. Сюзюмова, перенесенные на эпоху конца III – VI в. и на северопонтийский регион, Боспор, помогут представить исторический процесс здесь по-новому.

Итак, континуитет – это непрерывность существования и развития. Составные части этого явления:

- континуитет государства;
- территориальный континуитет города (топография, градостроительство, система расселения, фортификация);
- континуитет погребального обряда;
- континуитет производственной деятельности, торговых связей, денежной системы (по отдельным памятникам материальной культуры);
- континуитет социальной структуры (знать, военные, клир, ополчение и т.д.);
- континуитет идеологии;
- континуитет духовной культуры и искусства.

Все ученые, так или иначе изучавшие Боспор конца III – начала VII в., отмечали продолжение жизни и сохранение материальной культуры на протяжении всего данного периода, но не менее важна проблема континуитета политического и культурного. Одной из самых сложных проблем является проблема обстоятельств рождения в регионе христианского искусства.

Материальная культура населения Боспора в конце III – VI в. отличалась принципиальным единством и преемственностью по отношению к предыдущему времени. Находки на территории городищ и некрополей убедительно демонстрируют континуитет материальной культуры и сохранение сложно организованной стратифицированной социальной организации. Он прослеживается в сохранении прежних традиций градостроительства, фортификации, планировки, топографии поселенческих структур. Особое значение имеет сохранение традиций и преемственность погребального обряда, прослеживающееся по материалам некрополей.

Не отрицая огромной роли материальной культуры, надо признать, что ведущей силой, главным фактором континуитетных процессов были традиционная социальная организация и государство – мощная консервативная сила, стремившаяся сохранить основы общественной жизни. Вместе с тем, это – наименее изученная сторона континуитета.

Боспорское государство в рассматриваемый период дало особый, периферийный вариант континуитета, близкий к византийскому, но не тождественный ему.



А.Г. Бондач
(Москва)

ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ИОАННА ЗОНАРЫ
В ПОСТВИЗАНТИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПИДАЛИОНА)

Церковно-правовые сочинения Иоанна Зонары, выдающегося византийского правоведа и историографа, использовались в различных юридических сборниках поствизантийского периода (например, в Номоканоне Мануила Малакса или в Номиконе Феофила из Янины). Наиболее многочисленны заимствования из трудов Зонары в Пидалионе, составленном иером. Агапием и прп. Никодимом Святогорцем и впервые опубликованном в 1800 г. (Бондач А.Г. История и содержание Пидалиона // Богословский вестник. № 11-12. 2010. С. 123-132). Пидалион особенно важен для нас и потому, что он – в отличие от других поствизантийских церковно-правовых памятников – был издан по официальному распоряжению органов церковной власти (Константинопольского Патриарха, а впоследствии и синода Элладской Церкви).

Составители Пидалиона в предисловии к своему сборнику дают Зонаре самую высокую оценку. По их словам, он занимает «первое место» среди комментаторов канонов, поскольку «наимудрейшим и наилучшим образом, по сравнению со всеми бывшими после него толкователями, изъяснил» каноны (Πηδάλιον... Αθήναι, 1886. Σ. 2). Всего Зонарой прокомментировано 742 канона из 781, входящего в общецерковные правовые сборники. В Пидалионе использованы толкования Зонары к 360 канонам. При этом 22 толкования Пидалиона почти буквально воспроизводят текст Зонары, 54 содержат пересказ комментариев канониста, 246 толкований частично основаны на комментариях Зонары. Кроме того, 38 толкований Пидалиона представляют собой соединение комментария Зонары и какого-либо другого канониста (в частности, Вальсамона) (Никольский И. Греческая кормчая книга (Пидалион). М., 1888. С. 54-55, 100-123, 132).

Эти количественные характеристики, однако, еще не дают полного представления о мере влияния Зонары на составителей Пидалиона. Необходим содержательный анализ заимствований из трудов канониста в Пидалионе, который можно провести на материале семейно-правовых комментариев. Проблематика брака и семьи занимает важное место в творчестве Зонары: она прямо или косвенно затрагивается им примерно в 160 канонических комментариях. Из них в Пидалион полностью или частично вошли 76.

В семейно-правовых комментариях Зонары присутствует несколько ключевых проблем: половые отношения, любовь и брак как христианские ценности; правовая природа брака (реальный либо консенсуальный договор); статус женщины (в сравнении с мужчиной); принципы юридической ответственности за семейные правонарушения. Соображения Зонары по этим вопросам, сами по себе не лишённые противоречий, воспроизводятся в Пидалионе с большой непоследовательностью.

В ряде случаев составители Пидалиона используют прогрессивные идеи Зонары (см. толкования к Гангр. 15, 16; Вас. Вел. 26, 33, 38, 52, 70, где брак понимается как реальный договор, утверждается ценность супружеской и родительской любви в противовес аскетизму, говорится об обязанности детей материально поддерживать престарелых родителей, нормы о юридической ответственности толкуются на основе принципа гуманизма, допускается фактическое сожительство) и игнорируют его консервативные мнения (см. толкование к Карф. 128 [125]).

В других местах, напротив, опущены передовые суждения Зонары – о праве жены на развод в случае плохого обращения с ней мужа; о необходимости согласия жены на развод при рукоположении ее мужа в епископы и об обязанности епископа материально помогать своей бывшей супруге; о допустимости воздержания от половых отношений в браке лишь по взаимному согласию супругов и на короткий срок; о необоснованности обычая, по которому женщины наказывались за прелюбодеяние строже мужчин, и др. (см. толкования к Трул. 48, 87, 98; Гангр. 14; Лаод. 1; Вас. Вел. 21). Традиционалистские же высказывания канониста старательно повторены (см. толкования к Трул. 70; Гангр. 9, 17, 21: о подчиненности жен мужьям, о равном достоинстве девства и брака).

Таким образом, несмотря на многочисленность эксцерптов из комментариев Зонары в Пидалионе, юридические взгляды византийского правоведа отобразились в данном памятнике далеко не в полном, а порой – в искаженном виде.



Д.С. Боровков
(Екатеринбург)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕДОМСТВА ЛОГОФЕТА СТРАТИОТИКОВ В X–XI ВВ.*

Одной из существенных особенностей византийской системы военной организации являлось наличие в ее составе сугубо гражданских структур управления. Наиболее известное из них – ведомство логофета стратиотиков (Λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ), которое существовало с VII по XI вв. Важность данного учреждения не вызывает сомнений, однако, к настоящему моменту в историографии не сложилось единого мнения по таким вопросам, как время учреждения и упразднения ведомства, его состав и эволюция функций. Требуют уточнения также вопросы, связанные с отдельными должностными лицами логофессии.

О времени возникновения секрета логофета стратиотиков необходимо отметить следующее:

- должность логофета стратиотиков уже существовала к 626/627 г. (под этой датой имеется упоминание должности в «Пасхальной хронике»); возможно, что ее возникновение стало следствием военных и административных реформ императора Ираклия (610–641) и напрямую было связано с установлением «фемного строя»;

- сведения источников не позволяют утверждать, что с VII по X в. логофет стратиотиков исполнял одинаковые функции;

- должность логофета стратиотиков, по всей видимости, происходит от позднеримских должностей (например, *procurator castrensis*). Кроме того, к VI в. относятся сведения о *logothetes*, ведущих списки солдат и отвечающих за распределение жалованья для них.

Наиболее раннее достоверное свидетельство существования должности Λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ – это список участников VI Вселенского собора 680 г., в котором упоминается логофет стратиотиков Юлиан. Кроме того, издана печать VII в. логофета Евстатия, который мог жить раньше Юлиана. От VIII–IX вв. до нас не дошло сви-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

детельств о руководителях «военного секрета», за исключением нескольких печатей, опубликованных В. Лораном.

Единственное подробное описание функций и структуры ведомства находится в «Книге церемоний» (X в.). Согласно ей, «военный логофет» занимался учетом военных участков и составлением стратиотских каталогов. Также в его компетенцию входило определение норм налогообложения стратиотских хозяйств и, соответственно, предоставление полагавшихся им фискальных льгот. Предположительно, логофет стратиотиков ведал также набором солдат в регулярные тагмы и имел отношение к финансированию строительства крепостей. Вопрос о финансовых функциях логофета стратиотиков в X в. остается дискуссионным.

В XI в. функции логофессии, по-видимому, меняются, что связывают с упадком системы стратиотского землевладения. Следует отметить следующее:

- логофет стратиотиков получает в свое распоряжение финансовые средства для выплаты жалования солдатам тагм, которые в тот период составляли основу войска;

- есть свидетельства о наличии у него судебных полномочий;
- с конца X в. по данным сфрагистики фиксируется должность великого хартулария логофета стратиотиков, который становится первым заместителем главы ведомства и исполняет финансовые функции;

- значение ведомства снижается, что следует из понижения титулов логофетов и распространения практики совмещения должностей, т.е. логофет стратиотиков мог одновременно занимать еще одну должность в другом столичном ведомстве или в провинциальной администрации. Так, известна печать Льва, хартулария логофессии стратиотиков и ἐκ προσώπου логофета агеллы.

Штат ведомства в X–XI вв. частично реконструируется по «De Ceremoniis», печатям и Тактикам. Необходимо отметить, что сведения этих источников зачастую противоречат друг другу. В подчинении у логофета стратиотиков находились:

- великий хартуларий;
- хартуларии секрета, их обязанности заключались в составлении стратиотских каталогов и выполнение поручений логофета;

- в фемах логофету стратиотиков подчинялись хартуларии фем и тагм. Эти должностные лица находились в двойном подчинении: у логофета стратиотиков (вели списки стратиотов и отправляли их копии в столицу) и у дук или страйгов фем.

– в структуре ведомства известны также нотариусы, опционеры, мандатарии (отвечали за выдачу жалования) и другие должности, чьи функции точно не установлены.

Последнее упоминание логофета стратиотиков в письменных источниках относится к 1088 г. Вполне вероятно, что в это время эта должность исчезает в ходе масштабной реорганизацией столичных ведомств, проведенной Алексеем I Комниным (1081–1118). Во всяком случае, если учитывать традиционную связь секрета *λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ* со стратиотским землевладением, то его упразднение выглядит закономерным.



П.С. Боровков
(Екатеринбург)

ПОНТИФИКАТ И СТРУКТУРА CURSUS HONORUM В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ IV–II ВВ. ДО Н.Э.*

По мнению большинства современных исследователей, в республиканском Риме IV–II вв. до н.э. религиозная деятельность была неотделима от политической. В виду этого в историографии сложился тезис о том, что политически активное жречество – и в частности, понтификат – следует рассматривать в качестве структуры, близкой по своему политико-правовому статусу к магистратуре (псевдо-магистратура).

Более того, некоторые антиковеды полагают, что понтификат, авгурат и жречество Сивиллы наряду с магистратурами включались римлянами в структуру общественных должностей (*cursus honorum*) и имели, как и магистратуры, определенное место в ее рамках. В подтверждение этого исследователи указывают на многочисленные свидетельства нарративной традиции.

Цель данного исследования – проанализировать каким образом понтификат был связан со структурой *cursus honorum* в IV–II вв. до н.э. Для достижения поставленной цели необходимо обратиться к наиболее

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

аутентичным источникам – к эпиграфическим свидетельствам IV–II вв. до н.э. Эпиграфика этого периода, как правило, не используется современными исследователями для характеристики понтификов в структуре государственной системы *цивитас*. Однако в нашем распоряжении имеется довольно большое количество надписей периода Средней Республики (эпитафии и votivные тексты), которые позволяют с достаточной надежностью реконструировать порядок прохождения политической элитой *cursus honorum*, а главное их ценностное отношение к общественным почестям. Однако для периода IV–II вв. до н.э., насколько мы знаем, практически не существует эпиграфических свидетельств о том, что жреческие должности включались в структуру *cursus honorum*.

Между тем, необходимо отметить один уникальный элогий, датируемый исследователями концом IV в. до н.э.: «Публий Корнелий Скапула, сын Публия, верховный понтифик». Этого Публия Корнелия отождествляют с Публием Корнелием Скапулой, консулом 328 г. до н.э. Исследователей приводит в недоумение то обстоятельство, что в данной надписи упомянут только верховный понтификат, но совершенно упущены другие магистратуры. По этому вопросу в историографии можно встретить различные интерпретации. Для нас же принципиально важным будет подчеркнуть следующее обстоятельство. Данный элогий не позволяет выделить место понтифика в структуре *honores*, а скорее напротив позволяет предположить (учитывая консулат Скапулы, который здесь не приводится), что жреческий сан рассматривался политической элитой конца IV в. до н.э. изолированно от магистратур.

Такое предположение подкрепляется следующими свидетельствами. Относительно IV–II вв. до н.э. у нас есть как минимум 4 надписи, посвященные государственным деятелям, о которых известно, что они занимали понтификат. Однако в данных надписях, характеризующих *cursus honorum* этих государственных деятелей, совершенно игнорируется понтификальный сан. Однако уже применительно к периоду Поздней Республики мы встречаем достаточно большое количество надписей, которые однозначно указывают, что понтификат включался в структуру *cursus honorum* в одном ряду с магистратурами.

Таким образом, уже эти наблюдения, на наш взгляд, могут вызвать сомнения относительно того, что жречество в целом, и понтификат в частности рассматривались римской элитой в контексте *cursus honorum* в IV–II вв. до н.э. Практически полное молчание источников IV–II вв. до н.э. контрастирует с более поздними свидетельствами нарративной традиции (Cic. Phil. XI. 8; *De prov.* 21; Plin. *H.N.* VII. 139; Val. Max. IV.2.1; VI.5.5; VI.9.13) и эпиграфики, указывающими на достаточно

высокое положение понтификата в системе *cursus honorum* уже применительно к IV–II вв. до н.э. Каким же образом можно объяснить данные противоречия?

Первое, что обращает на себя внимание, это то, что все свидетельства нарративных источников о понтификате в структуре *cursus honorum*, относятся к сочинениям древних авторов периода Поздней Республики (первые свидетельства встречаются у Цицерона) или эпохи Раннего принципата. К сожалению, нет более ранних данных письменных источников (хотя бы II в. до н.э.), который мог бы дать представление о месте понтификата в структуре *cursus honorum*.

Второй момент – то место, которое отводится древними авторами понтификату в структуре почестей. Если рассматривать свидетельства Валерия Максима (VI.5.5, 9.13) и Плиния Старшего (Plin. *H.N.* VII. 139) – авторов I в. н.э., – то заметим, что понтификат оценивается выше магистратур с империем. Так Плиний Старший, приводя *cursus honorum* Цецилия Метелла (верховного понтифика III в. до н.э.), помещает его понтификат перед двойным консулатом и всеми остальными магистратурами.

Такое исключительно высокое положение понтификата, прослеживаемое в текстах древних авторов периода Раннего принципата, можно объяснить, поскольку в данном случае на характер презентации явно накладывается та современная реальность, которая окружала Валерия Максима и Плиния Старшего. В период Ранней империи должность верховного понтифика явилась одним из важнейших элементов легитимации власти принцепса, что в некотором роде изменило религиозно-политический статус и значение этого жреческого сана. Кроме того, как справедливо полагает часть современных исследователей, понтификат при принципате начинает играть роль одного из элементов формирующейся системы наследования власти. Однако тенденция включать понтификат в структуру почетного пути прослеживается уже в эпоху Поздней Республики (Cic. *Phil.* XI. 8; *De prov.* 21).

На наш взгляд, эта в своем роде метаморфоза политико-правовых ценностей, отраженная в источниках, не в последнюю очередь связана с теми изменениями в способе комплектования жреческих коллегий, которые произошли после принятия закона Домиция 104/103 гг. до н.э. о жреческих выборах. Понтификат согласно данному закону становился выборным институтом и в силу этого уже мог рассматриваться политической элитой как общественная почесть, предоставленная народом. Поэтому для римских авторов периода Поздней Республики и Раннего Принципата было совершенно естественным включать понтификат в

структуру *cursus honorum*, поскольку это жречество было выборным, как и магистратура. Здесь уместно будет указать на знаменитый памятник «Деяния Августа», в котором особо подчеркивается, что принцепс получил верховный понтификат путем выборов на комициях, на которые стеклось столь большое количество граждан, как ни у кого из ранее выбиравшихся (*Res gestae* 10. 1).

Если же говорить о периоде IV–II вв. до н.э., то мы считаем, что понтификат не рассматривался римской элитой в контексте *cursus honorum*. И такая ситуация выглядит вполне обоснованной, поскольку политический деятель не испрашивал жречества у народа, не добивался его путем предвыборной борьбы, а получал через кооптацию, проведенную самой коллегией понтификов.



Е.В. Бородина
(Екатеринбург)

РЕЦЕПЦИЯ ПРАВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Вопрос о влиянии Византии на развитие Русского государства давно занял значимое место в историографии. Например, М.Я. Сюзюмов отмечал, что Византийская империя оказала значительное воздействие на политическое развитие, идеологию и культуру нашей страны. Неоднократно исследователи уделяли внимание и такому феномену, как рецепция византийского права на русской почве, о чем и пойдет речь в данном материале.

Как известно, в разные периоды истории нашего Отечества правовое влияние Византии отличалось. В первую очередь историки права и источниковеды русской истории фокусируют внимание на изучении правовой рецепции в Древней Руси и Московском государстве через посредничество церкви. Наиболее известными исследователями отечественного права до начала XVII в. можно назвать Я.Н. Щапова и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

С.Г. Семенченко. Несмотря на противоречивость в оценках степени влияния византийского права на русское, уже неоспоримым стал факт сосуществования в Древней и Московской Руси двух правовых систем – собственно славянской и канонической византийской, – каждая из которых применялась в определенных областях правоотношений.

Первым шагом по пути уничтожения правового дуализма можно считать создание Соборного Уложения 1649 г. Оно является максимально полным собранием действовавших в Московском государстве в середине XVII в. уголовных и гражданских правовых норм. На заимствования из византийских нормативных правовых актов указывается как в самом Уложении, так и в исследовательской литературе. Одним из наиболее полных трудов по данному вопросу является исследование Н.И. Тиктина (1898 г.).

Поиск каких-либо аналогий византийского и российского законодательства более позднего времени практически не ведется исследователями. Тем не менее, правовая традиция заимствований вряд ли может считаться оконченной в конце XVII–XVIII вв. Соборное Уложение оставалось действующим законом почти до середины XIX в. Еще в течение многих лет в документах гражданской и уголовно-процессуальной практики можно встретить ссылки на этот документ. Кроме того, по замечанию В.В. Кучмы, в годы правления Петра Великого в процессе создания «Артикула воинского с толкованием» 1715 г. использовались образцы византийского военно-уголовного законодательства.

Какую ситуацию мы можем наблюдать, изучая гражданско-правовые источники России XVIII в.? Так как гражданское право включает в себя несколько отраслей и множество разнообразных институтов, в качестве примера будет взят один из них. Обратимся к вопросам наследственного права и к такому правовому институту, как опека.

Наиболее ранние сведения об установлении опеки можно найти в древнеримских источниках. Опекуном над имуществом и подвластными умершему лицам становился ближайший родственник или тот, кто был назначен по завещанию. Опека устанавливалась как над несовершеннолетними, так и над женщинами.

В византийской правовой системе представления об опеке меняются. По мнению Е.Э. Липшиц, «если в классическом римском праве опека назначалась с целью сохранения имущества в роде или древнеримской фамилии, то ныне основной задачей опеки стала охрана интересов слабой стороны, не имеющей возможности себя защитить». В законодательстве Юстиниана вводятся ограничения произвола опекунов. Им запрещалось отчуждать имущество опекаемого. Вся хозяйст-

венная деятельность опекуна сводилась к хранению и преумножению имущества беззащитных сирот. Родственные отношения между опекаемым и опекуном становятся необязательными.

В более позднем правовом источнике – «Эклоге» – также подчеркивается необходимость заботы об имуществе несовершеннолетних наследников. Кроме того, уточняется процедура назначения опекуна: по завещанию и по закону. «Если опекуна нет, то опекунство получают благочестивые учреждения в этом боголюбезном городе – приюты для сирот и прочие благочестивые учреждения и известные церкви, в провинциях же епископства, монастыри и церкви». Таким образом, механизм защиты прав несовершеннолетних наследников в Византийской империи был хорошо разработан.

В русских светских законодательных актах второй половины XVII в. вопросы установления опеки практически не оговариваются. Лишь в главе 10 «О суде» Соборного Уложения содержатся статьи, которые дают косвенные сведения о существовании опеки. Например, статья 185 говорит о необходимости установления представителей вдов, девок и сирот для защиты их дел в суде. А.Г. Маньков, изучивший новоуказные статьи второй половины XVII в. также не упоминает указов об опеке в русском гражданском законодательстве. Можно предположить, что до конца XVII в. институт опеки находился в ведении церкви и практически не интересовал государство.

В период проведения петровских реформ ситуация несколько изменяется. Проблемы опеки начинают интересовать законодателей в связи с необходимостью введения нового порядка наследования недвижимости. В указе о единонаследии 1714 г. оговариваются условия установления опеки над несовершеннолетними дворянами со стороны их ближайших родственников. Еще один источник, Инструкция магистратам 1724 г., рассматривает вопросы назначения и контроля над имуществом опекаемых со стороны органов городской власти. В случае отсутствия духовной грамоты именно магистрат назначал опекуна и следил за его деятельностью. Безусловно, власть органов городского управления распространялась исключительно на «городских граждан»: в 46 пункте Инструкции магистратам говорится только о заботе над сиротами – купеческими детьми.

Как и византийские законодательные акты, Инструкция магистратам обращает большое внимание на защиту имущества опекаемых. Опекун обязан продать на торгах вещи, которые со временем могут потерять свою ценность (одежда и прочее) и преумножать опекаемое

имущество, так как часть средств из него уходила на содержание малолетних сирот.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. наблюдается возрождение некоторых идей гражданского права Византии на русской почве. Появляются первые государственные учреждения, которые занимаются делами сирот и малоимущих. Данные органы власти не охватили всего населения страны, так как реформы Петра Великого в данном случае имели сословный характер. В последующие годы развитие института опеки в нашей стране было приостановлено. Возрождение интереса к данным правовым отношениям произошло лишь в годы правления Екатерины Великой.



В.В. Высокова
(Екатеринбург)

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС СОЧИНЕНИЯ ЭД. ГИББОНА «ИСТОРИЯ УПАДКА И ГИБЕЛИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ»

Значение английского историка второй половины XVIII в. Эдварда Гиббона (1737–1794) в западной историографии огромно. Его обширный труд «История упадка и гибели Римской империи» был переведен на все важнейшие языки мира, а в англоязычных странах он еще и сейчас, два века спустя, переиздается в дешевых, доступных изданиях как классическое литературное произведение. Этот факт имеет уникальную природу, если иметь в виду, что Эд. Гиббон в силу слабого здоровья не получил систематического образования и был фактически самоучкой. Однако он оказался проницательным наблюдателем своего времени. Размышления о судьбах Британской империи, взлет которой Эд. Гиббон наблюдал, определили направленность его интереса к античным и средневековым авторам. Именно имперский дискурс – расцвет и крушение Римской империи – сделал актуальным сочинение Эд. Гиббона вплоть до начала XXI в.

Работы Арнальдо Мамильяно, Патриции Креддок и ряда других авторов второй половины XX в. сосредоточились на контекстуальном анализе трудов Эд. Гиббона. Надо заметить, что двухсотлетние со дня смерти Гиббона в 1994 г. стало событием в британской национальной

историографии. Было подготовлено и опубликовано два новых, самостоятельных и конкурирующих между собой издания «Истории упадка и гибели Римской империи». Д. Уомерсли стал инициатором издания «Эдвард Гиббон: двести лет исследований» в 1997 г., где смог объединить самых крупных специалистов по этой теме.

Серьезным конкурентом Д. Уомерсли в исследовании духовного мира Эд. Гиббона выступает представитель Кембриджской школы интеллектуальной истории Джон Пококк. В центре его внимания – политико-философский дискурс XVIII в., и Эд. Гиббон занял главное место в его творчестве. Квинтэссенцией исследований Дж. Покока стала четырехтомная монография «Варварство и религия», увидевшая свет в 1999–2005 гг. Четвертый том «Варвары, туземцы и империи» выводит читателя на осмысление имперского дискурса жизни Гиббона. Последний аспект занял существенное место в новейшей историографии работ Эд. Гиббона. Здесь выделяется коллективная работа под редакцией Р. МакКиттерика «Эдвард Гиббон и империя», изданная в 1997 г.

Список адептов и исследователей Эд. Гиббона названными авторами не исчерпывается. Однако фактом является мощное «присутствие» и влияние историка второй половины XVIII в. в британской и европейской историографии. Чем же определяется триумфальное «шествие» Эдварда Гиббона на протяжении двух веков и XX в., в частности? Во-первых, прекрасный литературный стиль «Истории» Эд. Гиббона – знатока Вергилия и автора «Критических замечаний на шестую книгу Энеиды» (*Critical Observations on the Sixth Book of the Aeneid*, 1770 г.). Во-вторых, широкой постановкой мировоззренческих вопросов, в частности, вопросов веры. В-третьих, предмет внимания Эд. Гиббона – Римская (Византийская) империя (со II в. н.э. и до 1453 г.), его идеи о судьбах империй. Кроме того, авторский стиль отличает изысканная ирония, переходящая в самоиронию. Таким образом, среди выдающихся исторических сочинений в британской традиции не было другого такого труда, который достиг бы подобного литературного уровня, подобного влияния и воздействия на умы последующих поколений как «История упадка и гибели Римской империи» Эд. Гиббона.



С.Я. Гаген
(Екатеринбург)

«ЧЕРНЫЙ МИФ» О ВИЗАНТИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Положительно оценивают Византию, как иронично заметил И.И. Шевченко (2001), только маргиналы от культуры. Правда, византийский «черный миф» старше научного изучения Византии. Истоки мифа находятся в известном сочинении Эд. Гиббона об упадке Римской империи, отрицающем все достижения Византии, которое появилось (1776, 1781, 1788) в эпоху американской войны за независимость и в канун Французской революции. Образцом упадка считал Византию Г. Гегель в своих «Лекциях по философии истории» и Наполеон I в речи 1815 г.

В дореволюционной России «черный миф» утверждался трудами «философов»: П.Я. Чаадаева, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева. Официальная негативная оценка Византии, принятая после 1939 г. в СССР, представляла отрицать даже очевидные преимущества Византии перед «прогрессивным» феодальным Западом: «идеологи византийского государства провозглашали номинальное равенство всех граждан империи только для того, чтобы превратить его в равенство подданных, в бесправное равенство перед лицом всевластного господина – императора ... Эта политическая теория опять-таки коренным образом отличалась от правосознания, господствовавшего на Западе», где якобы утверждалось фактическое равенство феодалов (История Византии, 1967).

Западные византинисты также полагали, что принцип равенства всех перед законом в Византии на деле означало невозможность развития там гражданского общества (напр., D. Jacoby, 1973). В недавней работе К.В. Хвостовой (2005) воспроизводится тот же самый миф: «Впечатление о социально-экономических приоритетах Византии по сравнению с Западом – иллюзорно ... на Западе в эпоху Средневековья шла борьба за установление гражданского общества». «Черный миф» о Византии тесно связывается с мифом о «тоталитарной» России с XV в. по современность.

Против «черного мифа» в советское время выступали, главным образом, «маргиналы» из провинции (М.Я. Сюзюмов и его ученики). Сегодня «имидж» Византии на Западе лучше, чем в «либеральной» России, что связано с идеологическим кризисом Европейского Союза.



Л.А. Герд
(Санкт-Петербург)

СВЯЩЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ В ВИЗАНТИЙСКОМ КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ

В настоящем докладе рассматривается отношение византийского и поствизантийского канонического права к следующим категориям священных предметов: св. мощи, св. иконы и св. сосуды. Отношение византийского права к св. мощам было основано на двух основных моментах: на нормах римского права, касающихся охраны могил и почитания священного с одной стороны, и на каноническом праве Церкви, которое восприняло и развило эти понятия с христианской точки зрения.

Каноническое право запрещало отчуждение священных предметов и любой церковной собственности во всех случаях, за исключением помощи бедным, освобождения пленных и крайней опасности для государства. Сравнительно редкие попытки византийских императоров использовать св. сосуды для выплаты жалования войску вызывали сопротивление со стороны Церкви (например, при Алексее Комнине по этому поводу в 1083 г. возник целый богословский диспут). Следуя за римским правом, византийцы различали священные предметы, посвященные Церкви от тех, что принадлежали частным лицам (так, кража первых расценивалась как святотатство и воровство, и похищение вторых считалось только воровством).

Почитание св. мощей началось намного раньше, чем почитание св. икон и вызвало целый ряд противоречащих друг другу постановлений. С одной стороны, гробокопательство было абсолютно запрещено, с другой, раздробление и перенесение мощей стало обычной практикой начиная с III в.; епископы и правители организовывали приобретение мощей, чтобы повысить престиж своих городов.

Похищение мощей и священных предметов, строго запрещенное как светским, так и церковным законодательством, также стало обычным делом и сопровождалось созданием письменных и изобразительных памятников касательно «благочестивого похищения» или «благочестивого перенесения» реликвий (например, перенесение мощей св. апостола Марка из Александрии в Венецию в IX в., св. Николая Мирликийского из Мир в Бари в XI в., многочисленные святыни, перенесенные на Запад в результате Крестовых походов).

То же самое происходило с продажей св. мощей и почитаемых чудотворных икон. Несмотря на существование многочисленных постановлений, запрещающих продажу святынь, как в византийское, так и в поствизантийское время мы сталкиваемся с многочисленными случаями продажи, что истолковывалось как дар или мена. В некоторых случаях можно проследить путь реликвий из Константинополя через различные области греческого мира в Москву в XV–XVII вв.

Другой аспект отношения к мощам касался захоронений в церквах. В ранневизантийский период не существовало определенного различия между могилами мучеников и других христиан, хотя мучеников, как правило, старались хоронить в церквах. Позднее в законодательстве была закреплена тенденция не хоронить христиан в тех церквах, престолы которых освящены на мощах мучеников. Этот запрет неоднократно нарушался, особенно когда речь шла о захоронениях священнослужителей. В поздневизантийский период данное запрещение связывалось с совершением в храмах Таинства, но не с присутствием мощей под престолами. Обычай хоронить мирян в церквах в Греции и Румынии прекратился только в 30-е гг. XIX в.

Освящение престолов на св. мощах ведет свое начало еще с ранневизантийского времени. Во время иконоборчества данная традиция прервалась и не была непременным условием освящения престола, что вызвало появление 7-го правила Седьмого Вселенского собора, в котором говорится об обязательности освящения престолов на мощах.

Со временем иконоборчества связано и использование антиминсов на литургии, что впоследствии также стало обычной и даже обязательной практикой.



Н.В. Гинькут
(Севастополь)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА XIV В. ИЗ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

Крепость Чембало, основанная генуэзцами в XIV в., располагается в южной части Крымского полуострова, у входа в Балаклавскую бухту. В результате проведенных в последние годы археологических исследований были открыты оборонительные сооружения, культовые и жилые

постройки. Представление об экономике и культуре города наряду с письменными и эпиграфическими источниками дают и археологические материалы, включая находки керамической поливной посуды. Она является не только хорошим хронологическим индикатором, но и указывает на направления экономических и культурных связей Чембалю.

Глазурованная керамика генуэзской крепости Чембало представлена многими типами крымского и импортного производства (Италия, Испания, Золотая Орда, Китай и др.). В XIV в. основная доля привозной поливной посуды поступала из различных византийских мастерских, в основном, из Константинополя и Фессалоники. И это не случайно, так как тесные связи Византии и Крымского региона поддерживались на протяжении столетий, не утратив своего значения и в XIV в.

Особая роль в распространении византийской поливной керамики принадлежала генуэзским купцам, утвердившимся в бассейне Черного моря и завозившим сюда глазурованную посуду наряду с другими товарами.

Византийский импорт этого периода представлен кухонными (кастрюли, котлы) и столовыми сосудами закрытых (кувшины), и открытых форм (бокалы, миски, тарелки, чашечки). Среди находок доминируют тарелки. Византийскую поливную керамику жители Чембалю использовали достаточно широко: как в повседневном быту (обычная кухонная и парадная столовая посуда); так и в религиозной жизни (культовые предметы, обереги, евлогии).

Декоративные мотивы на парадной византийской поливной керамике представлены в основном разнообразными геометрическими, стилизованными растительными орнаментальными композициями, а также крестами, крестообразными фигурами и монограммами с именами святых. Византийская керамика XIV в. из крепости Чембало находит себе прямые аналогии среди материалов раскопок других средиземноморских и причерноморских центров (Фасос, Монкастро, Каффа, Азак и др.).

Популярность у местного населения этих групп импорта отразилась на производстве локальной (чембальской) поливной посуды, в которой прослеживается подражание форме и орнаментации керамики из византийских центров. Доминирование среди импорта данной группы археологического материала византийской поливной керамики свидетельствует не только о ее популярности, но и об оживленных торговых и культурных связях населения крепости Чембало и Византии в XIV в.



М.С. Деминцев
(Тюмень)

ПОСЛЕДНЯЯ «ДРАМА» МИХАИЛА VIII ПАЛЕОЛОГА (К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ СМЕРТИ В ВИЗАНТИИ)

Изучение феномена болезни и смерти в древнем и средневековом обществах и отношения к ним современников в настоящее время довольно актуально. Танатологическая тематика присутствует в самых разнообразных жанрах византийской литературы. Стиль описания болезней и смерти византийцами был специфическим не только в силу того, что являл собой «сплав литературных и профессиональных медицинских посылок» (достаточно вспомнить беспощадный реализм в описании разного рода девиаций константинопольских василевсов в «Истории» Льва Диякона или «Хронографии» Михаила Пселла), но еще и потому, что они были предельно актуальными темами в силу особого к ним отношения и восприятия.

Своеобразной данью византийцев античной культурной традиции было подражание, *μίμησις*. Смерть будучи финальным аккордом грандиозного жизненного спектакля носила оттенок театральности. Не случайно византийские авторы часто обращаются к различным драматургическим приемам, умело используют театральные термины. Поэтому нередко смерть воспринималась византийцами как представление, она была зрелищна.

Византийские историки Георгий Пахимер, Никифор Григора и Георгий Сфрандзи описывают кончину византийского императора Михаила VIII Палеолога (11 декабря 1282 г.). Последовательное и детальное описание смерти императора из-за болезни вышеуказанными авторами (особенно у Пахимера и Григоры) напоминает смену театральных декораций. Общим фоном разыгравшейся трагедии являются описание военного похода Михаила Палеолога в Фессалию, его прощание с императрицей, знамения, предвещающие скорую смерть (особенно шторм на море, когда император едва не утонул), первые симптомы болезни, зимний военный лагерь во фракийской степи, показательный смотр войска. Упоминание Пахимером и Григорой давнего предсказания Палеологу, его раскаяние в преступлениях и угрызения совести лишь усиливают драматизм события.

Описание Георгием Пахимером смерти императора, несколько отличается от рассказа Никифора Григоры. По Пахимеру, смерть Михаил-

ла VIII Палеолога не была внезапной, болезнь приведшая к летальному исходу, давала знать о себе еще за год до описываемых событий. У Григоры, в отличие от Пахимера опускающего некоторые подробности, смерть настигла Михаила Палеолога внезапно. Резкую боль в области сердца он ощутил уже находясь в военном лагере.

Смерть в восприятии византийцев, будучи театральной, зрелищной, подобно античному театральному представлению не могла быть камерной, одинокой, скрытой. Умиравший император находится в центре внимания, рядом с ним был его сын и наследник Андроник, личный врач, священники, домашняя прислуга. Согласно Пахимеру, кризис начался в воскресенье, а в пятницу уже наступила смерть. Искусство придворного лекаря-актуария Николая Кавасилы оказалось бессильным.

До последнего момента больной находился в сознании. Он знал, что умирает, и успел подготовиться к смерти. Пахимер пишет, что когда священник поднес к ложу умирающего св. дары тот сразу «понял драму» (συνῆξε τὸ δράμα). Несмотря на присутствие иереев, причастие св. дарам, молитвы, в поведении, движениях, словах и жестах умирающего усматривается позерство актера, действительно игравшего свою роль до конца. Так, например, от союзников-татар он пытается тщательно скрыть свой смертельный недуг. Мужественно перенося боль, и делая вид словно ничего не происходит, он принимает своих военачальников и отдает распоряжения войскам.

В итоге император уходит из земной жизни, как и подобает василевсу ромеев, в окружении не только своих подданных, друзей и родственников, но и союзных империи варваров, призванных им на войну.

Погребение императора было более чем скромным, и Никифор Григора сообщает, что это произошло из-за церковной политики усопшего. Он был предан земле под покровом ночи, в степи. Дабы тело не досталось на растерзание диким зверям, его зарыли в землю как можно глубже. Думается, что это далеко не случайно, так как невольно напрашивается параллель с «нечестивым» библейским царем Ахавом смертельно раненым в бою, кровь которого после погребения лизали псы (Царств. 3, 22:38). Однако, следуя Георгию Пахимеру, умерший император нашел свое упокоение в обители, находящейся неподалеку от военного лагеря. При этом и Пахимер и Григора указывают на несоответствие похоронного ритуала высокому сану усопшего, его поспешность и простоту.



А.А. Евдокимова, Л.В. Луховицкий
(Москва)

ЭСКУРИАЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ Y-II-7 (200-205).
ПЕРВЫЙ АНТИРРЕТИК ПРОТИВ ИОАННА ГРАММАТИКА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ
И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

Эскуриальская рукопись Y-II-7 (200-205) написана анонимом, текст дошел до нас в единственном экземпляре. Эта бумажная рукопись XIV в. была позже переплетена и часть текста ушла в переплет, в некоторых местах чернила размыты, где-то стерты, часть листов имеет утраты. Фрагменты из этой рукописи (цитаты из Иоанна Грамматика), были впервые опубликованы в 1966 г. (Gouillard J. *Fragments inédits d'un antirrhétique de Jean le Grammairien* // REB. 1966. Т. XXIV). Полное издание текста было недавно подготовлено нами и сейчас находится в печати.

Несмотря на позднюю датировку рукописи, в ней наблюдается ряд черт, типичных для александрийской системы акцентуации: сдвиг акцентного знака на первую часть дифтонга, а также в некоторых словах сдвиг ударения вправо, что приводит к характерной для документальных папирусов VI–IX вв. постановке ударения над согласными. В целом, орфография соблюдается, влияние итацизма несущественно, в большинстве случаев йота subscriptum опускается, в некоторых случаях наблюдаются ошибки в придыхании.

Содержащийся в рукописи «Первый Антирретик» является уникальным источником по позднему этапу иконоборческих споров. Филологический анализ памятника показывает, что в нем, без какой-либо редакторской правки анонимным автором, были приведены цитаты из сочинения, приписываемого последнему иконоборческому патриарху Константинопольскому Иоанну VII Грамматику (837–843). Таким образом, «Антирретик» оказывается одним из весьма немногочисленных *прямых* свидетельств о богословии иконоборцев (наряду с такими памятниками, как «*Apologeticus atque Antirrheticus*» и «*Refutatio et Eversio*» патриарха Никифора, а также Деяниями II Никейского Собора).

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации, № МК-4741.2009.6.

Предварительное исследование памятника показывает, что иконоборческая аргументация Иоанна Грамматика весьма отлична от традиционной. Все ранее известные памятники иконоборческой мысли отличает внимание к христологии: сначала доказывается невозможность живописного изображения Христа, обладающего как человеческой, так и божественной «неописуемой» природой, а изображения святых и Богородицы отвергаются лишь по аналогии. Благодаря трудам Иоанна Дамаскина, Никифора, Феодора Студита и других православных полемистов эти христологические основания иконоборчества были серьезно поколеблены: признание Христа лишь неописуемым ведет к отрицанию полноты восприятия Им человеческой природы. Иоанну Грамматику было необходимо найти новые аргументы в пользу иконоборчества, которые не опирались бы на христологию. Таким аргументом стал приведенный в «Антирретике» тезис о невозможности *всякого* живописного изображения: истинное познание человека может быть достигнуто лишь посредством словесного описания, поскольку зрение, к которому апеллирует живопись, не способно ухватить «индивидуальные акциденции» (fol. 202v).

С другой стороны, будучи написан уже после низложения Иоанна Грамматика (на это указывает перфектное причастие γεγυνότος в заглавии), «Антирретик» является важным свидетельством и о постиконоборческой эпохе. Насмешливый тон анонимного полемиста, обращающегося не к самому противнику, а к ученикам (fol. 204v), и уличающего оппонента не столько в нечестии, сколько в невежестве и незнании формальной логики, а также полное отсутствие какой-либо исторической конкретики заставляет видеть в «Антирретике» не пример актуальной полемики, а риторическое или философское упражнение. Таким образом, «Антирретик» продолжает «схоластическую» линию, развитую в начале IX в. патриархом Никифором. Как и он, анонимный автор беспощаен к языку своего оппонента (вплоть до грамматических форм времени – fol. 204-204v) и готов приступить к анализу вопроса по существу только после уточнения всех терминов из первоначальной посылки.

Подобный тон прекрасно иллюстрирует интеллектуальную атмосферу эпохи, когда риск иконоборческого реванша был уже достаточно мал, а интерес к иконоборческой проблематике еще очень велик. При покровительстве патриарха Мефодия начинается официальная история иконоборчества. Только в 861 г. при Фотии состоится Собор, окончательно осудивший иконоборчество, а около 850 г. – знаменитый диспут Константина Философа с низложенным Иоанном Грам-

матиком, который оказал решающее влияние на дальнейшую карьеру Константина. Внимательное прочтение «Антирретика» заставляет задаться вопросом, не идет ли речь и в этом случае о некоем полемическом упражнении, объектом для критики в котором выбрано еще всем памятное, но уже не опасное учение, опровергая которое можно прекрасно продемонстрировать свои риторические способности.



А.Г. Еманов
(Тюмень)

КУЛЬТУРА ОМОВЕНИЯ В ПЕРИФЕРИЙНОМ ГОРОДЕ ЛАТИНСКОЙ РОМАНИИ

В постмодернистской медиевистике интерес к телесному началу продолжает стимулировать появление все новых и новых исследовательских сюжетов. В этом русле лежит и проблема изучения культуры омовения в Средние века.

Здесь особый интерес представляют урбанистические центры, где соединялись западные и восточные принципы водного очищения. Одним из таковых была средневековая Кафа.

В Кафе в частноправовых актах конца XIII – начала XIV в. называлось более десятка бань, обозначаемых в латинской транскрипции – “*balneum*”, несмотря на принадлежность отдельных из них грекам, арабам или тюркам. Помимо этого, определенно, существовали специальные помещения для омовения в консульском дворце, в монастырях св. Франциска и св. Доминика, в госпитале св. Иоанна. Если учесть, что в городе находились 60 храмов и проживало порядка 7000 жителей, то на одно банное учреждение приходилось около 700 человек. Этот цивилизационный показатель провинциального города оказывается в десятки раз выше, нежели уровень иных западноевропейских столиц. Скажем, в Париже конца XIII в. с населением 250000 жителей насчитывалось 25 бань. В действительности, казавшаяся иным исследователям провинциальная Кафа грязным и пыльным городом была гораздо чище многих европейских центров.

В Кафе существовали общественные бани, содержавшиеся коммунальной, и частные, принадлежавшие отдельным лицам как латинского, так и левантийского происхождения. Действовали *balneatores* – банщики.

Последние, наряду с брадобрелями и цирюльниками, относились к числу врачей, занимавшихся простой хирургией. Квалифицированный бальнеатор умел поставить банки, подобрать пиявки, мог вызвать кровотечение, вывести плохую кровь, дабы нормализовать жизненные соки – гуморы, умел облегчить геморроидальные боли, сделать массаж. Для страдающих кожными заболеваниями рекомендовалось запаривание трав, целебные настои, мази; разные бальнеологические средства использовались при головной и зубной боли. На обороте одного из нотариальных актов приведен рецепт особой мази от чесотки, что также может быть связано с банной культурой средневекового города.

Обычное банное заведение располагало ванными с горячей водой и парильней. Пользование ванной, как правило, стоило дороже, нежели посещение только парильни. К услугам посетителя бани были брадобрели и цирюльники.

Городские бани были не только пространством очищения и оздоровления, но и местом общения, в том числе, делового. То обстоятельство, что брадобрели и цирюльники, каждодневно занятые в бане, затем выступали в качестве свидетелей при заключении деловых контрактов, оформлявшихся нотариально в лоджии кафской коммуны, указывает на естественное начало соглашения в теплой банной обстановке.

Одна из кафских бань обозначалась в документах особо “*balneum dulcis*” – сладкая баня. Можно только догадываться, какие «сладости» могло предложить это заведение. Вероятно, здесь посетитель мог воспользоваться не только изысканными кушаньями и напитками, нежной музыкой и танцами, но и усадками гетер. Именно по этой причине средневековые бани осуждались и преследовались церковью.

По общему признанию исследователей, закат банной культуры средневековья предопределила «Черная смерть» середины XIV в. Кафа сыграла в этой пандемии роль спускового механизма. Тем не менее, спустя двадцать пять – тридцать лет после катастрофы в городе можно было застать действующие бани левантийца Аки из квартала св. Иоанна, можно было встретить бальнеатора грека Косту Цуффо. Осталась невредимой даже «сладкая баня».

В реальности, в Кафе не могли полностью исчезнуть не только латинские и греческие бани, но и тюркские хаммамы, еврейские микве, поскольку они были связаны с религиозными предписаниями и подержанием ритуальной чистоты.



А.В. Зайков
(Екатеринбург)

ЭЛИДСКИЙ ЖРЕЦ В СПАРТЕ: РЕЦИДИВ АРХАИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ?

1. Об элейском прорицателе Тисамене, жившем в V в. до н.э. и помогшем спартанцам одержать пять крупных военных побед, сохранилась очень скудная информация. В современных исследованиях по спартанской истории акцент часто делают на словах Геродота о том, что Тисамен и его брат стали единственными иностранцами, получившими спартиатское гражданство, подчеркивая тем самым необычный характер всей жизненной истории этого человека. Между тем, судьба этой исторической личности заслуживает особого внимания отчасти как раз потому, что в ней повторились некоторые типически спартанские элементы, находящие ряд аналогий в архаическом периоде.

2. Источники. Имеющая в нашем распоряжении литературная традиция об элейце Тисамене почти целиком восходит к Геродоту и Павсанию. Сюжет о Тисамене сохранился также в рубрике «О добродетелях и пороках» в энциклопедии, составленной в X в. по приказанию императора Константина Багрянородного, но в данном случае перед нами просто сокращенная выдержка из Геродота. Некоторую дополнительную информацию как о самом Тисамене, так и о его потомках, можно извлечь из сообщений Ксенофонта и Плутарха. Важными для нашего анализа оказываются некоторые лаконические надписи римского времени.

3. Род Тисамена и его потомки в Спарте. Геродот называет Тисамена сыном Антиоха, «элейцем Клитиадом, происходившим из рода Иамидов». Иамиды являлись одним из самых знаменитых жреческих родов в Элиде. Что касается слова «Клитиад», то это, скорее всего, позднейшая глосса. У Тисамена был брат Гегий. Тисамен, скорее всего, не имел собственных детей. Впрочем, Павсаний сообщает, что в Спарте ему показывали медную статую Агия, предсказавшего Лисандру победу при Эгоспотамах; этот Агий был сыном Агелоха и внуком Тисамена, нашего героя. Гегий и Агий – это две разновидности одного имени: у Геродота – ионийский вариант, у Павсания – лаконский. Либо у Тисамена все же родился сын, названный Агелохом, и тогда получается, что Агий-младший был назван в честь брата своего деда – в честь Гегия-старшего; либо Тисамен усыновил Агелоха, ребенка Гегия, своего бра-

та, и тогда получается, что внука назвали именем его кровного деда. Как бы то ни было, важно другое: представители род Тисамена и через два поколения оставались в Спарте политически активными.

4. Дельфийское пророчество. Пифия в ответ на запрос Тисамена изрекла, что ему суждено победить в пяти величайших состязаниях. Тисамен в связи с этим предсказанием начал усиленно заниматься атлетической подготовкой, намереваясь одержать победу в Олимпии. Но, потерпев фиаско на этом поприще, он понял, что оракул имел в виду победы на поле брани. Об этом же догадались и лакедемоняне. Они начали уговаривать Тисамена за большие деньги стать их «предводителем на войне» вместе с царствовавшими у них Гераклидами. Осознав, что спартанцы дорожат его дружбой, Тисамен, как утверждает Геродот, потребовал, чтобы те сделали его своим полноправным гражданином. Страх перед великим персидским нашествием заставил лакедемонян пойти на это, а Тисамен, кроме того, потребовал «сделать и своего брата Гегия спартиатом на тех же условиях, что и его самого». В результате лакедемоняне согласились со всеми этими условиями, и Тисамен, став спартиатом, по словам Геродота, соучаствовал в пяти крупных сражениях как прорицатель. Список этих битв: при Платеях, Тегее, Дипее, Истме Мессенском, Танагре. Следует сделать особый акцент на той роли, которую сыграл Дельфийский оракул в деле приглашения Тисамена.

5. Недоступность спартиатского гражданства в V в. до н. э. Слова Геродота о том, что Тисамен и Гегий были единственными иностранцами, получившими спартиатское гражданство – преувеличение. Аристотель ссылается на предание, согласно которому при первых царях спартанцы свободно предоставляли гражданство негражданам. Наиболее важным примером такого рода является история Терпандра, Тиртея и Алкмана – иностранцев, прочно обосновавшихся в Спарте в VII в. до н.э. Утверждение Геродота следует понимать в том смысле, что в современной историку Спарте предоставление гражданских прав чужакам было почти неслыханным делом.

6. Вопрос о статусе потомков Тисамена в позднейшей Спарте. Достоверно известно об Агии, сыне Агелоха и внуке Тисамена, который был жрецом-предсказателем при полководцах. Кроме того, некий прорицатель Тисамен, оказавшийся впутанным в заговор Кинадона, был братом Агия и, значит, внуком Тисамена Элейца. Некоторые современные авторы, отталкиваясь от факта участия Тисамена-младшего в заговоре 398 г. до н.э., делают вывод о том, что представители данного рода чувствовали себя униженными, поскольку обладали неполно-

ценным гражданством. Данное мнение не имеют никаких серьезных доказательств. Напротив, Геродот недвусмысленно говорит о том, что спартиаты сделали Тисамена “*leospheteron*”, что следует понимать как «полноправным гражданином». Следует обратить внимание на то, что когда Геродот говорит о решениях или действиях спартанского государства, он обычно употребляет термин «лакедемоняне». В данном же случае именно спартиаты, то есть замкнутая политическая община или, иначе говоря, лакедемонские граждане по преимуществу, принимают Тисамена Элейца в свои ряды. Добавим к этому, что по надписям II в. н.э. известна спартанская семья, возводившая свой род к Иаму, занимавшаяся мантикой и сохранившая среди прочих наследственных имен имя «Тисамен».

7. Сражение при Истме. Среди битв, выигранных Тисаменом, наиболее интересна битва с мессенцами «при Истме». Неизвестно, где находился этот мессенский Истм и что он из себя представлял, поэтому данное чтение рукописей было подвергнуто исправлению на «при Ифоме». Однако источники сообщают о восстании на Ифоме, но отнюдь не о битве в этой местности. Об этом предполагаемом сражении мы вообще более не имеем никакой информации. Геродот утверждает, что «при Истме» спартанцы сражались с мессенцами, поэтому вряд ли можно сомневаться, что речь идет о т.н. III Мессенской войне – грандиозном илотском восстании 465 г. до н.э. Наиболее логичным будет предположение, что Истмом в Мессении мог называться проход в горном хребте Скала (совр. название), протянувшемся от Ифомы к Тайгету; через этот проход осуществлялась связь между Стениклером (равнина в верхнем течении реки Памис) и Макарией (равнина в нижнем течении той же реки). Если Геродот просто упоминает данную битву, указав, что спартанцам противостояли мессенцы, то в рассказе Павсания мы опять находим весьма важную для нас деталь: перизегет сообщает, что «тогда лакедемоняне позволили отпавшим [мессенцам] уйти на основании условий о перемирии, будучи убежденными [в необходимости этого] Тисаменом и Дельфийским оракулом». Тисамен, таким образом, предстает перед нами не просто как жрец-прорицатель, но как общественный устроитель и примиритель.

8. Выводы. В ряде предыдущих работ нами была исследована тема внешних влияний на процесс становления спартанской политики. Проводниками такого влияния были некоторые крупные греческие поэты и музыканты (Терпандр, Тиртей, Алкман), которые навсегда обосновались в Лакедемонии, а также критские пророки и очистители (Эпименид и Фалет), которые хотя и не поселились здесь навсегда, все же имели

достаточно прочные связи с этим полисом. Время деятельности этих лиц относится, в основном, к VII в. до н.э. В спартанской истории Тисамена Элейского мы усматриваем некоторые детали, находящие аналогии в судьбе вышеназванных лиц.

(1) Все они имели «внешний» по отношению к спартанской общине авторитет, завоевав уважение и известность в своей «профессии» за пределами Лакедемона. Авторитет Тисамена базировался на принадлежности к знаменитому жреческому роду и на атлетических достижениях нашего героя.

(2) Все они прибыли в Спарту по вещему слову из Дельф; как правило, спартанский полис получал оракул Аполлона на свой запрос по поводу какой-то сложной внутренней ситуации; в случае с Тисаменом сохранилась информация об оракуле, данном ему самому, однако текст Геродота позволяет сделать предположение, что существовал еще и оракул спартамцам по поводу Тисамена.

(3) Все они выполняли некую важную функцию по социальному устройению, применяя, как правило, иррациональные механизмы и методики (ритуальные очищения, предсказания, излечение от болезней с помощью музыки, приведение общества в гармоническое состояние с помощью музыкальных праздников). В связи с Тисаменом мы склонны придавать большое значение тому факту, что помощь этого прорицателя оказалась востребованной в один из самых критических моментов в истории спартанского полиса – в период грандиозного восстания мессенцев. По словам Павсания, именно он, действуя вместе с Дельфийским оракулом, убедил лакедемонян заключить перемирие с восставшими, по условиям которого им позволено было уйти из страны.

Данные наблюдения дают нам основание выдвинуть предположение о том, что приглашение Тисамена в Лакедемон и предоставление ему спартиатского гражданства, которое, конечно же, для начала V в. до н.э. было делом необычным и почти неслыханным, одновременно являлось возвращением к древнему методу решения некоторых серьезных внутренних проблем с помощью чужестранцев, на которых указывал Дельфийский оракул и которые пользовались его уважением и поддержкой.



О.В. Замятина
(Екатеринбург)

О СНАБЖЕНИИ ВИЗАНТИЙЦЕВ ЗЕРНОМ И МЯСОМ В ПИСЬМЕ ПАТРИАРХА ГРИГОРИЯ КИПРСКОГО 1284 Г.

Для данного сообщения мы выбрали довольно известный документ, записанный В. Лораном в его *Regestes* под № 1474, – послание патриарха императору в Атрамиттий, написанное в конце декабря 1284 г. Этот текст дает представление о снабжении византийцев продуктами, а именно зерном и мясом. В письме идет речь о злоупотреблениях чиновников; жалобы на их действия доходят до патриарха, и он сообщает об этом императору. Церковь часто более решительно, нежели государство, пыталась бороться с греховным стяжанием, правда, опираясь на чисто нравственные посылки.

Относительно зерна патриарх говорит, что некие Кимп, Зира, Никита, Парахотис и Мелия разделили для содержания скота территорию от Каллиуполя (Галлиполи) до горы Ганос и вжимали с каждого из местных жителей больше, чем полагалось, и устроили себе хранилища пшеницы и ячменя. Патриарх не знает даже, дают ли они животным необходимый корм. Из письма можно вывести, что приставленные ухаживать за выючными животными люди также продавали зерно в столицу, так как патриарх обвиняет их в том, что они покупают дешево, а продают дорого. По мнению патриарха, они являются больше торговцами зерном, нежели конюхами и зрителями за мулами.

Что касается мяса, патриарх обвиняет людей, в чьи обязанности входило обеспечение трапезы находящегося в Лампсаке императора, в том, что из разных мест Вифинии они привозили больше, чем необходимо, чтобы выгодно продать излишек в виде шашлыков из свинины и курицы.

Злоупотребления случались и в столице. Патриарх обвиняет наместника, оставленного императором, – бывшего болгарского царя Иоанна, ставшего византийским деспотом. Григорий Кипрский, недавно возвратившись в Константинополь из путешествия вдоль Геллеспонта, подъезжая к столице, встретил мясника, который гнал стадо из 600 овец и торопился войти в город. Недалеко от ворот его встретила целая армия поваров и стольников деспота, которая напала на стадо и отобрала 150 овец для дома своего хозяина. Дело дошло до эпарха, который послал своих людей, чтобы возвратить овец их собственникам, но по-

сланцы были избиты. Привратники заперли ворота, и люди деспота не смогли завершить грабеж. Появились эпарх, деспот, вероятно, и патриарх. Для видимости они согласились вернуть животных мясникам. Но ранним утром, когда никто не видел, деспот отправился за ворота со своими людьми, забрал 200 овец и беспрепятственно увел их в свой городской дворец. Владельцы животных, естественно, обратились к патриарху в надежде на защиту от несправедливости. Но он не смог ничем помочь им, хотя обращался к деспоту, который остался глух к его словам. Эпарх не располагал достаточной силой, чтобы препятствовать грабежу.



N. Kanev
(Choumène)

NOTES SUR CERTAINS ASPÊTS DE LA POLITIQUE EXTERIEURE DE LA BULGARIE À LA DEUXIÈME MOITIÉ DE IX^E SIÈCLE*

Pendant toute la deuxième moitié du IX^e siècle l'Empire byzantin a mené avec beaucoup de succès une politique d'accroissement de son influence sur les pays et les peuples de l'Europe de l'Est – de la Pannonie et de la Moravie jusqu'à la région au nord de la Mer Noire. À la Péninsule Balkanique on peut observer un processus de restauration du rôle prééminent de l'Empire sur la partie occidentale de la Péninsule – soit sous la forme d'une présence territoriale (par exemple à la Dalmatie), soit sous la forme d'une influence politique profonde qui a pour conséquence au point de vue byzantin une certaine suprématie de l'Empire (par exemple chez les Serbes). L'influence byzantine a pénétré assez loin de ses frontières – aussi à la Pannonie et la Moravie (avec la mission des deux frères Cyrille et Méthode), où la Principauté de la Grande Moravie a cherché une alliance avec Byzance contre ses adversaires – le Royaume orientale des francs (le futur *Regnum teutonicorum*, c.-à-d. L'Allemagne) et la Bulgarie.

Le grand rival de Byzance au Sud-est européen – la Bulgarie – était encerclé de tous côtés par des voisins qui étaient en général hostiles à elle-même et amicales et alliés à l'Empire. À l'Ouest les Serbes qui gravitaient

* Настоящее исследование реализовано с финансовой помощью Шуменского университета в рамках научно-исследовательского проекта № РД-05-353/12.03.2010 г.

vers l'Empire byzantin, ils se sentaient menacés par l'accroissement de l'État bulgare et ils étaient des ennemis de son puissant voisin dès le temps des khans bulgares Pressian et Boris I. Au Nord-ouest la Principauté de la Grande Moravie était un ennemi naturel de la Bulgarie, parce que ces deux forces étaient en une rivalité presque constante pour la domination sur les régions du cours moyen du Danube. Depuis sa naissance, la Principauté de la Grande Moravie avec sa formation a été une barrière contre la pénétration de la Bulgarie en Europe centrale et la création de l'État morave a eu pour sa conséquence que la Bulgarie a perdu les territoires entre la Tissa et le Danube. En plus, la menace pour la Grande Moravie du côté de l'Allemagne, aussi bien que la concurrence traditionnelle entre l'État bulgare et Byzance, tout cela était une base naturelle pour la formation des deux axes d'alliance – entre la Bulgarie et l'Allemagne d'une part et entre la Grande Moravie et l'Empire byzantin d'autre part, deux axes qui pouvaient toujours être réveillés selon les circonstances et qui étaient ranimées en réalité plusieurs fois à la deuxième moitié de IX^e siècle.

Au Nord-est la frontière de la Bulgarie pouvait être toujours déstabilisée par des voisins belliqueux nomades et surtout – par les Hongrois, devenus déjà une force assez puissante au dernier quart de IX^e siècle. À l'Est des nomades, le Khaganat khazar était devenu un État avec des relations traditionnelles avec Constantinople, sur qui la Bulgarie, plusieurs fois lutté contre les khazars aux siècles précédents, ne pouvait point compter. Bien entendu, au Sud et au Sud-ouest l'encerclement de l'État bulgare a été achevé par son plus grand adversaire – l'Empire byzantin.

Cet encerclement de la Bulgarie par des voisins ennemis (ou au moins incertains) est déjà un fait au milieu de IX^e siècle. Peut-être, c'est une des causes des défaites militaires de Boris I aux années 50 et 60 de IX^e siècle. La Bulgarie était donc dans une situation assez difficile et elle avait besoin de sortir de cette isolation et de déchirer cet encerclement hostile à tout prix. Il semble évident que le déchirement de cet encerclement avait été pour longtemps un des buts principaux à toute la politique extérieure de l'État bulgare. La seule solution pour Boris vers le milieu des années 60 de IX^e siècle était d'entrer en alliance inégale avec l'Empire byzantin. Peut-être dans ce contexte on doit examiner aussi la christianisation de la Bulgarie. Etant donné cette situation, on peut bien comprendre pourquoi le souverain bulgare avait été obligé de soutenir la paix profonde avec l'Empire après la conversion de son État au christianisme.

Evidemment, la Bulgarie était en profonde difficulté de mener une politique active et elle ne pouvait pas se confronter avec l'Empire byzantin sans déchirer l'encerclement et sans pouvoir évincer la possibilité de lutter sur

deux ou trois fronts militaires en même temps. En cet aspect peut-être Vladimir-Rassate (889–893) a cherché de nouvelles possibilités pour la politique extérieure bulgare avec l’alliance entre lui et le roi des francs orientaux Arnulf (888-899) contre le prince de la Grande Moravie Sviatoplouk I (870-894), parce qu’un affaiblissement du prince morave aurait signifier une absence de menace sérieuse pour la frontière nord-ouest de la Bulgarie et de cette façon – une possibilité de changement et d’activation de la politique bulgare contre l’Empire byzantin.

Le plus grand succès des efforts des souverains bulgares pour déchirer l’encerclement hostile de leur pays et d’éliminer certains des ennemis plus ou moins puissants à ses frontières est réalisé au temps de Siméon le Grand (893–927).

Au premier plan il a éliminé pour des décennies la menace des ennemis dangereux au Nord-est et au Nord-ouest – les Hongrois et l’État morave. En 894–896, pendant la première guerre de Siméon contre les Byzantins, le prince bulgare, aidé par les Petchenègues, a vaincu complètement les Hongrois. Après sa grande victoire sur les Hongrois, Siméon a réalisé un brillant coup stratégique. Poursuivis par les troupes bulgares à la direction espérée par le souverain de la Bulgarie, en pratique les Hongrois avaient été transférés de force en Pannonie par les Bulgares. Là les Hongrois n’ont eu aucune autre possibilité que d’entrer dans une lutte à vie ou à mort avec la Principauté de la Grande Moravie pour envahir de nouvelles terres et de cette façon d’assurer leur existence et leur avenir. En plus, après la mort de Sviatoplouk I en Moravie, en 894 commença la lutte intestine entre les deux princes moraves concurrents Sviatoplouk II et Moïmir II (894–906) et l’apparition des Hongrois d’Arpad en Pannonie a compliqué beaucoup plus la situation au pays. Pour le souverain bulgare c’était une garantie d’une guerre bien continue dont tous les participants étaient des ennemis de la Bulgarie, une guerre qui était une garantie pour la paix à sa frontière nord-ouest. En tous cas c’était une guerre qui aura pour conséquence une élimination pour longtemps de deux des ennemis de l’État bulgare et l’élimination définitive de l’un entre eux. Donc, la Bulgarie avait déjà toute la possibilité de lutter avec toutes ses forces au Sud, contre l’Empire byzantin, sans être pressée du Nord. Douze ans plus tard la Principauté de la Grande Moravie est détruite par les Hongrois, mais deux décennies encore les vainqueurs n’étaient pas une menace pour la Bulgarie.

Au deuxième plan Siméon a fait beaucoup d’efforts pour imposer son influence sur les Serbes. Pour obtenir son but, à deux reprises Siméon a replacé les princes serbes avec ses protégés. De cette façon, le monarque bul-

gare a espéré évincer l'influence byzantine. Enfin, il a éliminé l'État serbe en l'incorporant aux territoires de la Bulgarie.

Les grands succès militaires de Siméon contre l'Empire byzantin, des succès qui ont provoqué la naissance de l'autre empire du Monde byzantin – l'Empire bulgare, évidemment étaient possibles parce que le souverain de la Bulgarie a réussi effectivement de déchirer l'encerclement hostile de son État.



А.С. Козлов
(Екатеринбург)

ORIGO CONSTANTINI IMPERATORIS – ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ ДОКУМЕНТА

Бросается в глаза, что Origo Constantini, первая часть сочинения Анонима Вalezия, в отличие от Chronica Theodorica, второй части, крайне бедна социальными реалиями. Но именно они – самый яркий пример противоречий в поле тенденциозности этого документа. Дело не только в том, что автор подчеркивает низкое происхождение ряда императоров, и особенно – Лициния, противника Константина, но и говорит о простом происхождении Елены, матери Константина. Основопологающий для античной сословной сферы термин *populus* использован в первой части «Анонима» всего один раз, в описании гибели Максенция после поражения у Мульвийского моста (Origo, 4.12); в подобном контексте *populus* – скорее уничижительно-количественная категория. Некоторый социально-стратификационный аспект содержится в одной из инвектив в адрес Лициния, из-за жадности и сладострастия которого «occisis ob divitias pluribus, uxoribus eorum corruptis» (Ibid., 5.22). Сочувствие к пострадавшим богачам со стороны автора Origo здесь налицо, но оно явно размывается риторическим пафосом, присутствующим любому пeгocy.

Крайне важное для античности понятие *cives* употребляется в Origo только один раз, хотя и в важном рассказе об основании Константинополя. Константин, согласно документу, разыскивал для новой столицы граждан отовсюду, причем потратил на них огромные средства (Ibid., 6.30). Этот факт проанализирован в научной литературе, но в контексте Origo важно то, что сразу за этим сообщением идет информация о характере сената, учрежденного Константином в новой столи-

це – «*senatum constituit secundi ordinis*», – а также указание на предоставление новым сенаторам титула *clarі*. Учитывая то, что оба этих сообщения композиционно объединены в одном разделе источника, можно полагать присутствие в воззрениях составителя *Origo* нераздельной классической римской дихотомии, подчеркивающей различие и в то же время общественный параллелизм таких основополагающих институтов как «сенат» и «народ».

Что касается использования автором *Origo* термина *senatus secundi ordinis*, то оно было более характерно для политического лексикона Запада, сенаторская знать которого снисходительно относилась к восточным коллегам. Однако сам этот термин резко контрастирует восторженным оценкам, даваемым другим мероприятиям Константина в новой столице: «Как будто свою родину он украсил его с великолепной пышностью и пожелал уравнивать с Римом» (*Ibid.*, 6.30). Но, тем не менее, данными пассажами интерес анонимного жизнеописателя к сенату и народу Константинополя исчерпывается. Учитывая общее позитивное отношение автора *Origo* к своему герою, это лишний раз склоняет к предположению, что аноним в своих воззрениях далек от особого внимания к обеим столицам империи. Для Рима в его труде вообще не нашлось хотя бы минимума восторженных слов.

Почти половина объема *Origo* приходится на сообщения о взаимоотношениях Константина и Лициния. В военно-политической тематике повествования, традиционной для античной исторической литературы, эти рассказы выходят на первый план. Уникальная информация о гражданских войнах между двумя претендентами на гегемонию в империи (с перерывами с 314 по 324 гг.), когда основные кампании разворачивались на Балканах и отчасти – в Малой Азии, дает ясно понять, какими гигантскими ресурсами располагала территория будущей Византии, будучи способной столь долго подпитывать амбиции Лициния.

Не имеет традиционного для античности социального звучания в *Origo* и термин *servi*, использованный в знаменитом рассказе о восстании «рабов сармат» *adversum omnes dominos*, которых, после того как часть их была вытеснена с территории, где они властвовали, принял на земле империи Константин и «распределил» по провинциям и в Италии (*Ibid.*, 6.32). Сомнение в рабском статусе мятежных сарматом-лимигентов наиболее четко выразил К. Пач, назвав их, тем не менее, «крепостными». Еще И.К. Цейс удачно сравнил это место с сообщениями Иеронима (скорее всего, заимствовавшего этот сюжет у Евсевия) и Аммиана о данном событии, указав на привязку упомянутых «рабов» и «господ» к определенным этнонимическим категориям. Указание

автором Origo огромного числа расселенных Константином на землях империи сармат, ранее бывших «господами» лимигантов, также говорит не о социальном, а о правовом, сословном различии между сарматами – *liberi* и лимигантами, различии, ставшим в условиях «Сарматии» этно-племенным. Аммиан, сообщая о последствиях разгрома сармат-амицензов, пишет о захвате римлянами родственников убитых, попавших тем самым «в низкое положение рабов» (Amm., XVII, 13.12). Ясно, что статус этих людей до пленения был совсем иным. Таким образом, когда Origo и другие источники называют лимигантов до восстания рабами «свободных сарматов», то это – подчеркивание зависимого статуса, но не более.



С.А. Козлов
(Тюмень)

ЭПИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В МОНОДИИ МИХАИЛА ИТАЛИКА НА СЕВАСТОКРАТОРА АНДРОНИКА КОМНИНА

Проблема соотношения исторической реальности и художественного вымысла в византийской литературе является одной из важнейших в современной византистике. Так, А.П. Каждан обратил особое внимание на различия между простой констатацией мысли и искусством художественного выражения в византийской литературе и, в частности, на то, что делает определенный текст литературным произведением (2002, С. 19-20). При этом литература понималась им не как совокупность написанных текстов, относящихся к *Schrifttum*, а как *littérarité*, т.е. система способов и средств (аллюзий, анафор, ритма и т.п.), составляющих суть авторской «манеры выражения».

В данной работе мы попытаемся проанализировать монодию византийского ритора первой половины XII в. Михаила Италика на смерть севастократора Андроника Комнина (Gautier, fr. 83-88) с целью выявления исторической информации и отделения ее от разного рода художественных добавлений. Эта монодия обычно привлекалась для реконструкции истории последней византийско-печенежской войны в Подунавье в 1122–1123 гг. (Kurtz, 1907, S. 86-87; Бибииков, 1999, С. 224-225). Участие Андроника в этой войне подтверждается сообщением Феодора Продрома, отметившего «задунайские успехи» севастократора

(Majuri, fr. 527.8: ὑπερίστρια κατωρθώματα). При этом в научной литературе не обращалось внимание на явно «эпический» характер некоторых деталей произведения Михаила Италика: изложение в начале монодии ее темы и краткого содержания; использование характерных художественных приемов (анафор, гипербол, эпитетов) и аллюзий на древнегреческий эпос, включая Гомера; наделение образа Андроника Комнина, стоящего в центре повествования, типичными для эпического героя чертами. В «эпическом» ключе выдержан, например, рассказ об участии севастократора в войне с «племенем, живущим на повозках» (ἔθνος ἐστὶν ἀμαξόβιον), на византийском пограничье (Gautier, fr. 83.1-25). Судя по всему, эти черты восходят к широко распространенной в Византии в XII в. эпической поэме Διγενῆς Ἀκρίτης и другим песням акритского цикла (от греч. ἄκρος, «граница»).

В рамках эпической традиции следует рассматривать и описание отваги Андроника, когда он, будучи «еще безбородым юношей» (παῖς ἔτι καὶ οὐλῶ τὸν ἰουλον ἐξανθῶν), в одиночку разбил «главное войско персов» (τῶν Περσῶν ἄθροον), разрушил шатер «персидского» царя и победно завершил всю войну (Gautier, fr. 84.25 – 85.2). Восхваление подвигов и отваги севастократора, обладающего непреклонной волей к победе и едва ли не всеми христианскими добродетелями, присутствует в монодии византийского риторика, скорее всего, также в силу определенного влияния эпических сказаний о героях — достаточно вспомнить образы Армуриса, Дигениса Акрита, Ксанфина, Теофилакta и др. Кульминация всего повествования Михаила Италика — описание трагической смерти Андроника, сопровождаемой страшными бурями, ветрами и грозами, сотрясавшими воздух и моря, «как если бы (мир содрогался) от рыданий повсюду скорбящих» (Gautier, fr. 87.8: ὥσπερ τοῦ παντὸς συνθρηνοῦντος καὶ συγκατηφίωντος ἡμᾶς), — еще один типичный мотив эпических произведений (ср. также явно эпический характер описания Львом Диаконом подвигов императора Иоанна I Цимисхия: Leo Diac. Hist. 96.19 – 97.23).

В монодии Михаила Италика привлекает внимание еще один фрагмент — описание быта и нравов «племени, живущего на повозках» (Gautier, fr. 83.1-9). Вряд ли в этом фрагменте можно видеть указание на реальных кочевников, вторгшихся при Иоанне II Комнине и использовавших в бою укрепления из повозок (Cinn. Hist. 8.5-10, Meineke; Nic. Chon. Hist. 15.71-73, van Dieten). Михаил Италик, как известно, не участвовал в военных походах византийского императора и, очевидно, о подробностях кочевнического образа жизни судил лишь по сообщениям предшественников. Возможно, в данном пассаже следует видеть отраже-

ние достаточно распространенных еще с античных времен идей о том, что кочевники – прекрасные всадники и искусные лучники, проводящие жизнь на повозках (Hdt. IV, 121, ср. о печенегах: Leo Diac. Hist. 157.16-18), которые византийский ритор переработал в христианском духе.

Итак, представляется методически неверным использовать монодию Михаила Италика в качестве исторического источника, не учитывая ее эпико-риторической составляющей, в данном случае превалирующей над исторической «объективностью».



С.Ю. Колбин
(Екатеринбург)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОТОВ И ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV в.: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Для Византии религиозные проблемы в контактах с окружающими народами всегда играли основополагающую роль. В связи с этим, важно проследить истоки данного аспекта внешней политики империи с начала ее активной деятельности по христианизации варварских племен.

Вопросы, связанные с христианизацией готов и их положением в Византии не раз обращали на себя внимание исследователей. Несмотря на большое количество новых работ, можно констатировать сохранение старых историографических установок. Главной из них, восходящей еще к историографии XIX в., является представление о готах как об арианах и, соответственно, об арианстве как об определяющем факторе в отношениях готов и Византии.

Заметим, что наиболее активные военные столкновения между готами и империей (включая знаменитую битву при Адрианополе 378 г.) произошли в правление императора-арианина Валента, а мирный договор 382 г. и разрешение на размещение вооруженных отрядов готов последовали при стороннике единосущия, императоре Феодосии I. Более того, готам разрешалось иметь в Константинополе арианский храм, т.н. Готскую церковь и готы активно участвовали в жизни арианской общины империи, вплоть до дискуссий по догматическим вопросам.

Источник «историографических мифов» следует искать в тенденциозности церковной историографии Византии, которая, следуя определенной традиции, неизменно помещала готов в бинарную схему «свой – чужой».

В целом в этот период, несмотря на определенное и постоянное давление официальной церкви, правительство Византии старалось как можно меньше в отношениях с готами, как и с большинством других соседних варварских народов, уделять внимание религиозно-конфессиональной проблематике, стараясь сосредоточиться на военных и политических проблемах.



О.Е. Колотова
(Екатеринбург)

РОДОС ПОД ВЛАСТЬЮ ОРДЕНА ГОСПИТАЛЬЕРОВ: ПРОБЛЕМА ПИРАТСТВА

В средние века пиратство процветало в тех регионах, где, во-первых, не существовало достаточно сильной власти, способной положить конец морскому разбою, но в то же время присутствовало столкновение интересов различных держав. В таких случаях, противоборствующие стороны, как правило, оказывали поддержку корсарам, а зачастую даже использовали их в качестве «неофициального» флота. Во-вторых, было необходимо, чтобы регион привлекал морских разбойников экономически, т.е. здесь должна была существовать оживленная морская торговля и подходящий рынок сбыта награбленного. В-третьих, расцвету пиратства, как правило, способствовали благоприятные географические условия, прежде всего, наличие удобных гаваней. С этой точки зрения Восточное Средиземноморье являлось «классической» зоной пиратства.

Не следует также сбрасывать со счетов религиозную рознь и династические споры. Столкновение между исламом и христианством весьма способствовало расцвету морского разбоя.

Захватившие Родос в 1306–1309 гг. рыцари-госпитальеры продержались на острове до 1522 г. Это время стало периодом расцвета родосского пиратства. Остров, благодаря своему выгодному географическому положению, привлекал морских разбойников, которые находили

здесь не только удобную стоянку, но и рынок сбыта. В частности, Родос был крупным центром работорговли.

Родосское пиратство 1306–1522 гг. можно условно подразделить на три категории:

1. Пиратские действия, совершенные самими рыцарями-госпитальерами, как «эскадрами веры», так и кораблями, вооруженными рыцарями за свой счет. Эти действия были направлены против турок, против государства мамелюков, против кораблей христианских держав, осуществлявших торговлю с «неверными». Нападениям чаще всего подвергались суда торговых республик Венеции и Генуи, а также Дубровника.

2. Морской разбой подданных Ордена, коренного населения Додеканесского архипелага или осевших на Родосе турок.

3. Пиратство европейских авантюристов, использовавших Родос в качестве опорного пункта. Орден был заинтересован в присутствии пиратов на острове. В случае необходимости, он мог использовать их в качестве дополнительной военно-морской силы. В данном случае, орденские власти несли ответственность за привлечение на свой остров всевозможных авантюристов, но едва ли справедливо обвинять Орден во всех пиратских набегах, совершенных с Родоса и других островов архипелага. Едва ли госпитальеры были в состоянии полностью контролировать деятельность этих пиратов.

Объектами нападений пиратов двух последних групп становились как мусульманские, так и христианские корабли, а целью было личное обогащение. Впрочем, не исключено, что некоторые из этих морских разбойников имели каперские патенты, выданные либо государями, чьими подданными они в действительности являлись, либо орденскими властями. Известна попытка регламентации каперства. При великом магистре Пьере Раймоне Закосте (1464–1467) был принят статут, который гласил: «Мы запрещаем всем, кроме Магистра и орденского совета, давать отныне какое-либо охранное свидетельство корсарам».

В гавани Родоса заходили венецианские, генуэзские, каталанские, сицилийские пираты. Например, в первой половине XV в. широкую известность получил базировавшийся на острове каталанский пират Никола Сампьер, из-за нападений которого у Ордена вышел конфликт с Венецианской республикой.

Таким образом, далеко не во всех пиратских операциях, совершенных с Родоса, повинны сами госпитальеры. Морским разбоем занималось как местное греческое население острова, так и подданные других государств. Вина Ордена состоит в попустительстве мор-

ским разбойникам или даже в привлечении их на свою территорию. Кроме того, Орден вряд ли был способен навести порядок не только в Эгеиде, но даже на подвластных ему островах.



Ю.Е. Комлева
(Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ*

Университет как уникальный социальный институт, выполняющий функции трансляции научного знания, методов его культивации и формирования академической элиты, является частью общеевропейской интеллектуальной традиции. В то же время вопрос о том, какой из университетов считать первым и старейшим, вызывает дискуссию среди ученых. Расхождения во мнениях основаны на разнице определений, предлагаемых для понятия «университет», и набора обязательных характеристик, составляющих это понятие. Разумеется, недопустимо настолько широкое толкование, чтобы понимать университет только как высшее учебное заведение, поскольку в таком случае первенство следовало бы отдать школам Востока, где система высшего образования сложилась на много веков раньше, чем в Европе. Несмотря на многочисленные попытки выявить сходство в учебной организации высших школ мусульманского мира и европейских университетов, большинство ученых признают наличие двух абсолютно разных традиций образования и считают университет исключительно европейским феноменом.

Если во главу угла ставить изначальное значение слова «*universitas*» как корпорации студентов и учителей, то старейшим европейским университетом следует признать университет в Константинополе, основанный как *auditorium* в 425 г. и реорганизованный 849 г. кесарем Вардой, регентом при императоре Михаиле III (842–867). Эту точку зрения разделяли большинство отечественных и зарубежных исследователей вплоть до 70-х гг. XX в., указывая на то, что этот инсти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

тут обладал рядом характеристик, которые сегодня ассоциируются с университетом (преподавание и свободный научный поиск, самоуправление, академические свободы и пр.). Однако, с начала 70-х гг. прошлого века выходят исследования, авторы которых отказывают учебному заведению в Константинополе в статусе университета.

Все же, ряд сущностных характеристик организации учебного дела в высшей школе Константинополя действительно соответствует основополагающим критериям средневекового европейского университета. Вероятно, высшая школа существовала в Константинополе и до 425 г., однако, при Феодосии II (408–450) она была организована по-новому, о чем свидетельствует указ императора от 27 марта 425 г. Занятия проводились вначале в Капитолии, в качестве аудиторий были отведены полукруглые залы, соединенные крытой галереей. Действовала 31 кафедра для преподавания греческой и латинской грамматики, софистики и ораторского искусства, были приглашены профессора права и философии. У каждого профессора было свое помещение, они носили специальное облачение, пользовались рядом привилегий, в отличие от частных учителей, и формировали особую социальную группу. Члены высшей школы Константинополя пользовались т.н. академическими свободами средневекового европейского университета: профессора и учащиеся могли свободно менять учебное заведение; в Константинополь приглашались преподаватели из Александрии, Афин и Берита (совр. Бейрут); из разных стран сюда приезжали учиться наукам.

В высшей школе Константинополя изучали теологию, медицину, юриспруденцию; большое внимание уделялось латыни. При Юстиниане I (527–565) были приняты документы, которые регулировали порядок обучения праву. Вводился запрет на студенческие проказы, которые обычно учинялись над товарищами, особенно над новичками, равно как и над преподавателями. По завершении учебного курса студентам выдавались свидетельства о полученном ими образовании, на основании которого они могли открыть юридическую практику.

Однако высшая школа Константинополя обладала и рядом существенных отличий, которые не позволяют ряду исследователей отнести ее к числу средневековых европейских университетов. При более детальном рассмотрении, эти черты, действительно не свойственные университетам средневековья, являются присущими университетам нового времени, как то: учреждение на основании государственного указа, зависимость от государства, выплата государственного жалованья преподавателям; подготовка чиновников и государственных служащих, а также отсутствие

каких-либо сведений об «общежитии» учеников и преподавателей наподобие колледжей и разделении студентов по нациям.

Таким образом, Константинопольская высшая школа, сочетавшая в себе черты средневекового университета и университета нового времени, если не может быть причислена к ряду средневековых европейских университетов, то, вероятно, имеет все основания быть названной университетом в современном понимании этого феномена.



K. Konstantinov
(Shumen)

AN OLD-BULGARIAN SETTLEMENT IN THE AREA
OF BADALATSITE, NEAR THE VILLAGE OF HARSOVO,
NOVI PAZAR DISTRICT*

The settlement is situated on not a very high terrace, between two dry valleys, 3 km north-west of the village of Harsovo, Novi Pazar district. According to preliminary estimations, it covers an area of around 100 decares. The first field studies were conducted in 1986 and 1987, and as a result, a great number of metal objects were excavated – belt appliqué, crosses encolpion, Byzantine coins dated from X century and various pottery fragments, as well (Bonev St., Dimitrov M. An Old-Bulgarian settlement. 1992). These objects serve as a ground for initiating archaeological excavations by using the drilling method. This site has been researched in two archaeological campaigns – in 1988 and in 2010.

In the uncovered area of around 40 m² can be witnessed the presence of clearly expressed stratigraphy in residential construction. The inhabitants of the settlement used to build dug-outs which were the most common type of dwellings in the Middle Ages. They used to be quadrangular by shape, oriented towards the four cardinal points. Their size ranged between 8 and 12 m². They were dug into the solid ground at 0,8-0,9 m depth. If it was necessary, the walls were fortified with a one-row stone wall, as at some places have been preserved up to 6-8 rows in height. The beams supporting the roof were dug into nests at 0,2-0,3 m depth along the periphery of the rammed

* This research has been done thanks to the scientific research project RD-05-353/12.03.2010.

floor. Stoves and fireplaces, typical of the most of the Early Medieval dwellings in IX–X century, are to be found walled in inside the dug-outs. The fireplaces in some of the dwellings were built outside. There can be distinguished two separate stages, with duration of 30–40 years, in the construction process of the dug-outs near the village of Harsovo. The reason for drawing this conclusion lays in the fact that two of the dwellings overlapped, as the earlier one was destroyed during the construction of the new one.

There is also a similar tendency in the stone construction in the settlement under research. There have been excavated so far four dwellings, with quadrangular, one-cell plan, two of them overlapping each other. They were made of local, loose, crashed stone, joined by mud. They are oriented towards the four cardinal points, as the northern wall in one of the buildings, is wider than the other three. The floor of some of the dwellings is covered with a layer of small crashed stones, crammed and rammed with grey-brown soil.

Little can be written for the way of life of the local population. It is worth paying special attention to a big quantity of ceramics, excavated on a relatively small area. Around 60 % of the fragments come under the category of ceramics with engraved decoration. The greater part of fragments are from pots, as similar relief signs are found on the some of the bottoms – a circle with two straight crossing lines. Around 35 % of all the ceramic objects are fragments from the so-called grey ceramics. Pots without decoration or covered with a net of shiny stripes predominated. They were made of refined and well-baked clay. The ceramics diversity is complimented with not a large number of fragments from vessels with green glaze (around 5 %), and single finds of orifices and handles of big amphora.

The rest of the everyday life objects are few and are mainly connected with the home crafts (parts of spindles) and with the military art (arrows points and cots for daggers). There is still no data about well-developed commodity-money relations. There are few single finds of coins, found in the area, which fell across accidentally here from neighboring settlements. Traces of secondary perforation are found on some of the specimens. It can be stated that the local population traded under conditions of natural economy.

The presented data gives information about one newly-found Old-Bulgarian settlement, close to the medieval road Pliska – Drastar. The conducted field study in the region has not demonstrated the presence of some wooden and earthen fortifications. It is most likely that an unfortified Early Medieval Bulgarian settlement, as such type of dwellings could also be found in other regions of Northeastern Bulgaria, was erected in this area. The analysis based on the discovered archaeological material, reveals that the life in the settlement was most prosperous in the X century. Later on,

due to the invasions of the Byzantines and the Barbarians, the inhabitants left the settlement. The upcoming research will throw more light on the structure of the settlements in the First Bulgarian Kingdom.

I would like to express my gratitude to senior research associate PhD. Stoycho Bonev from the National Institute of Archaeology and Museum – Bulgarian Academy of Sciences, Branch Shumen for giving me the opportunity to investigate and to publish materials about the site “Old-Bulgarian settlement”, near the village of Harsovo, Novi Pazar district.



М.А. Курьшева
(Москва)

МОНАСТЫРСКИЕ БИБЛИОТЕКИ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ РЕСТАВРАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Палеографическое и кодикологическое изучение московских рукописей из библиотеки Ивирского монастыря на Афоне (они попали в Москву в 1654 г. из Ивира, где были приобретены Арсением Сухановым на средства царя Алексея Михайловича и московского патриарха Никона) позволяет сделать вывод о том, что в Ивирском монастыре на протяжении веков и особенно в начале XVI столетия библиотекарями регулярно проводились работы по реставрации и каталогизации рукописного книжного фонда с целью сохранения и воссоздания утраченных текстов богатейшего византийского наследия.

Московские рукописи, отреставрированные в Ивирском монастыре в конце XV–XVI в. были выявлены в 1971 г. Б.Л. Фонкичем. После недавних публикаций греческих ученых, исследовавших национальные рукописные собрания, в числе которых и рукописи Ивирского монастыря, наступил новый этап в изучении этого материала.

В процессе изучения нами отмечен редкий случай реставрации рукописи спустя почти пятьсот лет со времени ее создания (*Влад. 31*, Ветхий Завет, конец IX – начало X в.).

Нами определены две рукописи Галисийского монастыря (τοῦ Γαλισιῶν) близ Эфеса – *Влад. 122*, Аскетикон Василия Великого и другие творения, XI в.; *Влад. 372*, Минея на декабрь и январь, XI в. Обе рукописные книги попали на Афон, по-видимому, на рубеже

XIII-XIV вв., подверглись реставрации и бережно хранились: одна – в Иви́рском монастыре, другая – в монастыре Пантократора.

На основании палеографического и кодикологического изучения манускриптов можно составить представление о том, как в первой половине XVI в. на Афоне проводились работы по систематизации и реставрации монастырского рукописного книжного фонда.



В.В. Кучма
(Волгоград)

К ПРОБЛЕМЕ КОНТИНУИТЕТА
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛЕМОЛОГИИ:
ИФИКРАТ – ПОЛИЭН – ЛЕВ VI МУДРЫЙ

Военно-научная мысль византийской эпохи нашла свое воплощение в обширном комплексе письменных памятников, известных под общим наименованием военных трактатов. При всех существенных отличиях друг от друга (тематических и хронологических), все эти сочинения оказываются объективно объединенными в целостный свод («ансамбль», по образному выражению Р. Вари), в котором каждый из более поздних компонентов генетически связан с каждым из более ранних. Основопологающая причина выраженного «ансамблевого», «коллекционного» состояния памятников полемологического жанра в конечном счете объясняется специфическими особенностями военной науки как одной из самых ранних по времени возникновения и самых важных по социальной значимости сферы человеческого знания. Правила и приемы ведения боевых действий, приведшие к успеху либо имевшие негативный результат, прочно закреплялись в сознании исполнителей, очевидцев и современников; будучи зафиксированными письменно и делегированными потомкам, они приобретали силу максимально устойчивых аксиом. Тесная преемственность в методах синтеза, анализа, презентации и трансляции военно-научных знаний составила квалифицирующий признак военной науки. Какие-либо революционные новации, резкие «перерывы постепенности» здесь были практически исключены – вплоть до того периода, когда началось массовое применение пороха на полях сражений (а этот период уже лежал за рамками «классической» византийской истории) в военной науке

безраздельно господствовали принципы эволюции, идеи традиционализма и консерватизма.

Наглядный образец тенденций, действовавших в сфере военнаучных знаний, демонстрирует блок информации «Тактики Льва» (*Leonis Imperatoris Tactica* // PG. 1863. 107; далее – ТЛ), восходящий ко временам известного афинского полководца Ификрата (первая половина IV в. до н.э.). Заметим, что само имя Ификрата не упомянуто Львом ни разу; тем не менее, в одной только XX-й главе «Тактики» можно обнаружить упоминания не менее 15 эпизодов его боевой деятельности, известных по сочинению Полиэна (Полиэн. Стратегемы / Под ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002; далее – ПС).

Рекомендации Ификрата излагаются в трактате Льва тремя основными способами. В тех случаях, когда приоритет Ификрата в применении той или иной стратегемы являлся общепризнанным, соответствующая информация транслировалась Львом максимально близко к тексту Полиэна (ПС, III, 9, 13 – ТЛ, XX, 167; ПС, III, 9, 18 – ТЛ, XX, 168; ПС, III, 9, 38 – ТЛ, XX, 196). В других случаях, когда Льву было известно, что Ификрат использовал стратегемы, уже встречавшиеся ранее в практике его предшественников, Лев позволял себе излагать эти свидетельства достаточно свободно, расширяя или, наоборот, сокращая текст Полиэна; иногда, не ограничиваясь текстуальной переработкой, Лев отваживался на комментирование своего источника или даже на дополнение его собственными соображениями (ПС, III, 9, 10 – ТЛ, XX, 76, 166; ПС, III, 9, 31 – ТЛ, XX, 191; ПС, III, 9, 32 – ТЛ, XX, 195; ПС, III, 9, 47 – ТЛ, XX, 197). Наконец, третий прием использовался Львом в тех случаях, когда он ставил своей задачей изложить не конкретную стратегему Ификрата, а некий общий принцип из арсенала его стратегических или тактических воззрений – благодаря этому приему автором «Тактики» были воспроизведены несколько знаменитых афоризмов Ификрата, вошедших в сокровищницу мировой военнаучной фразеологии (ПС, III, 9, 17 – ТЛ, XX, 27, 97; ПС, III, 9, 22 – ТЛ, XX, 193).

Льва как типичного военного писателя византийской эпохи интересовали исключительно лишь утилитарные свойства тех рекомендаций, которые были восприняты им от современников и предшественников – если он был убежден в практической значимости данных установлений, для него не имели никакого значения ни время их происхождения, ни их авторская принадлежность. Подобный методологический подход объективно превращал сочинение Льва в сложный информационный комплекс, представлявший собой причудливую комбинацию

многослойных напластований самых различных «сроков давности». В этом ракурсе рассматриваемый нами сюжет является весьма типичным: встретив в сочинении Полиэна информацию об опыте боевой деятельности Ификрата, Лев расценил ее как вполне современную и потому ввел в свою «Тактику», не затруднив себя обязанностью ее идентифицировать и датировать. В результате мы имеем дело с показательным феноменом почти полуторатысячетного континуитета полемологических знаний: стратегемы, апробированные в боевой практике древнегреческих армий V–IV в. до н.э., обобщенные писателем эпохи римских Антонинов в середине II в. н.э., были императивно рекомендованы к применению византийским автократом, занимавшим престол на рубеже IX–X вв.



Т.В. Куш
(Екатеринбург)

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ДИМИТРИЯ КИДОНИСА*

Византийское письмо, составленное в традициях эпистолярной практики, было ориентировано на принцип деконкретизации. Однако, несмотря на высокую степень зависимости от норм эпистолярного жанра, требовавших утонченности стиля и ухода от повседневных реалий, в письмах заключен целый пласт информации, позволяющий реконструировать многие аспекты социальной, политической и духовной жизни времени, когда автор писал свои строки.

Обратимся к проблеме презентации различных социальных групп в корреспонденции Димитрия Кидониса, одного из ярких представителей политической и интеллектуальной элиты Византии XIV в. Следует отметить, что эпистолограф не ставил задачи представить в письмах социологический срез состояния византийского общества, однако высказанные им фразы и отдельные реплики дают основание для наблюдений за социальной ситуацией в империи в том ключе, в котором ее видел интеллек-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00238а) и Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

туал. Замечания о социальной роли и значимости различных слоев, оценки места той или иной группы в социальном мироустройстве, частные характеристики отдельных представителей социальных слоев рассыпаны на страницах писем Кидониса, но, собранные воедино, они позволяют представить взгляд интеллектуала на социум в целом.

Социальный мир в эпистолярном корпусе Димитрия Кидониса включает в себя все полюса византийского общества. На страницах писем присутствуют как социальная элита общества, так и его низшие слои. Безусловно, объем внимания, который автор уделяет характеристике наиболее значимых социальных групп и их отдельных представителей, превосходит замечания и наблюдения, высказанные в адрес тех, кто стоял на низших ступенях социальной пирамиды.

На вершине социальной иерархии находился император, характеристике которого эпистолограф посвящает немало строк. Кидонисом крупными мазками выведен образ императора, в котором нашли отражение представления автора об идеальном правителе, его общественных функциях и сакральном характере его власти. Наряду с общими рассуждениями об императоре как главе государства в письмах дана также оценка реальных представителей правящего дома, с которыми Кидонису приходилось непосредственно сталкиваться за долгие годы его службы в качестве первого министра (месадзона).

Социальная элита, включающая придворных, аристократию, чиновничество и высшее духовенство, многократно попадает в поле зрения Кидониса. Именно при характеристике этой социальной группы употреблены самые язвительные и нелицеприятные строки писем. Он упрекает ее в коррупции, стяжательстве, бездействии и раболепии.

Если социальная элита порой представлена просопографически, то средние слои и низы византийского общества обезличены. Кидонис в основном оперирует собирательными понятиями в отношении тех, кто своим трудом зарабатывал себе на жизнь. Он часто употребляет слово «бедняки» (οἱ πένητοι), когда речь заходит о представителях низших слоев. Тем не менее, на страницах писем мелькают упоминания о ремесленниках, слугах, рыбаках, торговцах, крестьянах и др. В оценке этих категорий Кидонис неоднозначен: наряду с пренебрежением к необразованным низам он выражает сочувствие их тяжелому труду и бедственному положению.

Особый негативизм звучит из уст Кидониса в адрес монашества, в среде которого утвердились исихастские взгляды, столь осуждаемые интеллектуалом. Но не только идейные расхождения вызывали критику этого слоя византийского общества. Он осуждает расчетливость, жад-

ность и необразованность монахов. Подобным нападкам подвергаются и представители некоторых профессиональных групп (судьи, врачи, ростовщики).

Поздневизантийский социальный мир в изображении эпистологафа довольно пестр и многообразен. Однако есть отдельные категории, которые были обойдены вниманием Кидониса (например, он не упоминает военных). Если анализировать характер высказываний этого интеллектуала в адрес отдельных представителей определенных социальных прослоек или целых социальных групп, то следует отметить, что преобладают негативные оценки и критические замечания. В своих социальных взглядах Кидонис отталкивается от понятий полезности для общества той или иной группы, а также использует этические категории (мораль, достоинство, долг) и индекс образованности при формулировании своего отношения к определенным социальным стратам. В целом, следует учитывать, что преобладающий негативный характер оценок определен в значительной степени и состоянием кризиса в стране, когда единственной надеждой еще представлялся император, способный сплотить вокруг своей фигуры общество, хотя в похвалах Кидониса в адрес василевса, без сомнения, была и известная доля сервилизма.



Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский
(Санкт-Петербург)

ШТРИХИ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Г.Л. КУРБАТОВА

Доклад о Г.Л. Курбатове, на наш взгляд, органично вписывается в контекст XIII международных научных Сюзюмовских чтений. Достаточно напомнить хотя бы о том, что и Михаил Яковлевич Сюзюмов, и Георгий Львович Курбатов чрезвычайно много сделали для установления тесных, длящихся уже не одно десятилетие научных связей между кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета и кафедрой Всеобщей истории Уральского государственного университета.

Как известно, Г.Л. Курбатов высоко ценил историографические студии. Охотно и со вкусом обращался к этой тематике. Особое место

среди его работ такого рода занимает фундаментальная «История Византии (Историография)», увидевшая свет три с лишним десятилетия тому назад, в 1975 г., и до сих пор не нашедшая себе замены. К слову сказать, в книге значительное место по праву отведено концептуальным построениям М.Я. Сюзюмова.

Что поделать – теперь научное наследие самого Георгия Львовича, с именем которого так или иначе связано практически вся послевоенная история нашей кафедры, стало объектом историографических изысканий. Понятно, что говоря об историке и его трудах, едва ли можно абстрагироваться от того, как и в каких условиях шло становление ученого. Тем более что Георгий Львович – при всем своеобразии его исследовательского почерка, оригинальности подхода к решению сложных проблем византийской истории – как человек и как ученый являл собою фигуру не только яркую, но во многом весьма характерную для своего времени.

О Георгии Львовиче как об ученом, педагоге и администраторе (а он, напомним, в течении двух десятилетий, с 1970 по 1989 гг. возглавлял кафедру), о его разносторонней и плодотворной работе на нашем факультете, где он трудился до конца своих дней, сказано и написано немало. Вместе с тем приходится констатировать, что значение Г.Л. Курбатова как ученого осмыслено все еще недостаточно. Собственно, то же самое можно сказать и о многих других крупных ученых-историках советского периода.

Нет нужды в повторении уже написанного. Но, думается, стоит хотя бы кратко остановиться на том, как Георгий Львович относился к методологии истории.

И в юные годы, и потом, он презирал как эмпириков, которые в своих исторических студиях не идут дальше нагромождения фактов, пусть даже колоритных, интересных, так и вульгарных марксистов. Последних в советскую эпоху развелось, как известно, множество. Наблюдая происходящее у нас на рубеже столетий, Георгий Львович хорошо понимал, что вульгаризированный марксизм давно набил всем оскомину. И потому при первой же возможности многие из историков шарахнулись в другую крайность – махнули рукой на всякую методологию. Или вытащили на свет божий старые, чуть ли не допотопные, примитивные теории. Сейчас, как известно, процесс этот пошел еще дальше.

Философия истории интересовала Курбатова с юности. Он по собственной инициативе, без понуканий наставников, прочел «Капитал» и ряд других трудов К. Маркса, обратился к А. Тойнби, когда большинст-

во наших историков вообще еще не слыхало такого имени. Раздобыл изданный у нас в 1920-х гг. перевод первого тома шпенглеровского «Заката Европы». У него еще в студенческие годы хватило терпения прочесть в оригинале, по-немецки, не переводившийся тогда у нас второй том «Заката». И Г.Л. Курбатов был твердо уверен, что если в своих исследованиях он сумел где-то подняться над плоской эмпирикой и прийти к достаточно оригинальным, весомым выводам, то этим в немалой мере он обязан проштудированным некогда трудам по философии истории.

Нельзя не отметить и вклад Георгия Львовича в организацию учебно-методической работы. В течение многих лет он был членом Головного совета по истории при Минвузе России, председателем секции Средних веков, и по мере сил способствовал поддержанию должного уровня медиевистики в старых университетских центрах и ее становлению во вновь создаваемых университетах. Достаточно результативной оказалась его работа и в составе редакционно-издательского совета Минвуза России. Напомним, что именно при его содействии был дан «зеленый свет» серийным изданиям «Средневековый город» (Саратовский университет), «Античная древность и средние века» (Уральский университет), «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» (ныне «Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени», Санкт-Петербург) и др.

Нельзя не упомянуть и о том, что Георгий Львович уделял очень большое внимание профессиональному росту начинающих исследователей. Вот уже почти три десятилетия на кафедре регулярно проводятся студенческо-аспирантские конференции, которым принадлежит видная роль в становлении молодых ученых и в формировании научного сообщества медиевистов. Эти конференции давно приобрели межвузовский характер. В них принимали участие и ученики М.Я. Сюзюмова, некоторые из них со временем стали видными учеными. Эта тенденция продолжается и в наши дни. Только теперь в заседаниях конференции участвуют уже ученики учеников Михаила Яковлевича Сюзюмова...



Д.И. Макаров
(Екатеринбург)

ИОАНН VI КАНТАКУЗИН КАК ПОЛЕМИСТ

По мнению Г. Вайса, Иоанн Кантакузин стал сторонником св. Григория Паламы после июньского Собора 1341 г., но до сентября того же года (Weiss, 1969, S. 112). С тех пор и до конца своих дней Кантакузин был убежденным паламитом, что нашло отражение и в его богословско-философских трудах, которые носят преимущественно полемический характер. Изучение богословского наследия Иоанна VI заметно отстает от анализа его политической деятельности и представляет собой одну из актуальных задач поздневизантийской патрологии и истории философской мысли. Классический труд Г. Подскальски убедил современных ученых в том, что Кантакузин являлся эклектиком, а не самостоятельным мыслителем (Podskalsky, 1977, S. 168). Этот вердикт не лишен справедливости, потому что основной корпус богословских текстов Кантакузина написан в защиту учения св. Григория Паламы с целью популяризации этого учения. И все же, как мы постараемся показать, заслуживают иной оценки и «Два опровержения Прохора Кидониса», и особенно тот труд, который сам Кантакузин, по-видимому, считал главным в своей деятельности как богослова – две серии антиисламских трактатов (PG, 154, 371A – 692C).

Отрекшись от престола в 1354 г. и приняв монашеский постриг с именем Иоасафа (в честь героя «Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе»), Иоанн Кантакузин в 60–70-е гг. XIV в. при активной поддержке высшего духовенства Константинопольского патриархата – св. Филофей Коккин, св. Нил Кавасила, Феофан III Никейский – вел письменную, а порой и устную (епископ Павел) полемику с:

- мусульманами (две серии полемических слов, причем благожелательный тон первой резко контрастирует с критической направленностью второй);
- иудеями («Диалог с иудеем Ксеном»);
- византийскими неосхоластами-томистами в лице Прохора Кидониса (два «Опровержения», которые, по словам Димитрия Кидониса, были посланы на Кипр, Крит, в Палестину, Египет, Трапезунд и др. (Mercati, 1931, P. 339.15 – 340.18);
- титулярным латинским патриархом Константинополя Павлом;
- выдающимся византийским интеллектуалом – латинофилом и неосхоластом – Димитрием Кидонисом.

По критерию полноты и обоюдности коммуникации перечисленные пять коммуникативных ситуаций можно подразделить на две группы: в первых двух случаях мы не знаем ответа непосредственных оппонентов, тогда как в трех оставшихся случаях такие ответы сохранились и известны. В случае Димитрия Кидониса, как нам представляется, элементы «ответа» можно извлечь из богословско-полемических произведений мыслителя.

В полемике с Прохором Кидонисом Кантакузин отстаивал положения Томосов Константинопольских соборов 1351 и 1368 гг. (Mercati, 1931, Р. 10), своей критикой употребления силлогизмов в богословии он продолжал полемику, начатую православными мыслителями (св. Нил Кавасила) против Фомы Аквинского и Димитрия Кидониса.

Важность фигуры Павла заключается уже в том, что именно по его просьбе, переданной Кантакузином, Феофан Никейский составил «Пять слов о Свете Фаворском» (Jugie, 1935, Р. VIII-XI), а сам Кантакузин, помимо «Беседы с легатом Павлом», написал Павлу семь писем, объединенных издателями под заголовком «Диспут с латинским патриархом Павлом в семи письмах» (Voordeckers, Tinnefeld, 1987, Р. 175-239). Павел утверждал, что Фаворский свет – тварный символ нетварного света Божества (PG, 154, 837C). Возможно, устав от споров с Павлом, Кантакузин пошел на частичный компромисс с его взглядами: так, он выступает с утверждением, что свет Фаворский ни святые не называли энергией Божией, ни мы не желаем этого делать (Voordeckers, Tinnefeld, 1987, Р. 215.22-33; ср.: S. Greg. Pal., Tr. III.1.24; III.1.29).

Полемика с Димитрием Кидонисом касалась основ православной триадологии и христологии. Так, критикуя триаду понятий *сущность – сила – энергия* (Mercati, 1931, Р. 300.113-143) или приписывая паламитам учение о смешении Отцовства и Сыновства в Боге (Candal, 1962, Р. 80.3-11), Димитрий *опрокидывает традиционную систему координат православной триадологии*, тогда как Кантакузин, имея в виду (что весьма вероятно) не только Прохора, но и его брата, разъясняет традиционный смысл этих понятий в их взаимной соотнесенности (Voordeckers, Tinnefeld, 1987, Р. 165.231-243).

Отрекшись от власти политической, Кантакузин не утратил важнейшего интереса к духовной ситуации времени. Видя себя, и не без оснований, одним из основных защитников паламитского учения и духовной независимости и силы Церкви, не желая допустить повторения тирании Михаила VIII Палеолога (Meyendorff, 1974, XI, Р. 173-174), Иоанн Кантакузин проявил себя талантливым и весьма разносторонним полемистом.



И.П. Медведев
(Санкт-Петербург)

СПОР С УЧИТЕЛЕМ О ЗНАЧИМОСТИ ЛИЧНОСТИ ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

Речь в общем-то пойдет о крайне негативном образе Георгия Гемиста Плифона в представлении М.Я. Сюзюмова. Коллеги, наверное, будут удивлены постановкой вопроса: что это еще за «негативный образ Плифона» у Сюзюмова, где это автору привиделось, если даже в единственном, пожалуй, упоминании об этом деятеле в соответствующей главе Михаила Яковлевича из III тома «Истории Византии» нет ничего подобного?! Увы, имеется, если иметь в виду не только его опубликованные труды, но и неопубликованные, к которым я отношу и целый пласт ученой переписки Учителя, в том числе к его ученику по фамилии Медведев. При всем при том, что эти личные письма пронизаны какой-то отеческой заботой об ученике и даже, как ни странно, какой-то гордостью за весьма скромные успехи последнего в науке (письмо от 9 апреля 1981 г., например, Михаил Яковлевич начинает, прошу прощения, таким обращением: «Дорогой мой бывший любимый ученик, а теперь крупный русский и мировой ученый!»), – при всем при этом данному «мировому ученому» достается немало от бывшего учителя по поводу различного рода высказываний в сочинениях первого.

Так, ознакомившись с моей кандидатской диссертацией, посвященной истории города Мистры, Михаил Яковлевич, между прочим, замечает в своем письме от 1 декабря 1968 г.: «Очень интересно было бы, если бы Ваша диссертация вышла целой книгой. Ведь так важна Ваша тема. Но, конечно, не разделяю Ваших восторгов перед Плифоном... Ведь это 15 век! Крутом турецкая опасность – и только такой «мудрец» не видел ее. Нужно было делать все, чтобы объединить интеллигенцию, народ в предстоящей борьбе против захватчиков. А Плифон стал показывать свою «ученость» (хотя никакой сколько-нибудь ценной мысли у него не было). Он же сделал все, чтобы внести разлад в интеллигенцию. Единственное, что можно было сделать тогда – это объединить под лозунгами православия в борьбе против турок. Он же, наоборот, дискредитировал его (т.е. православие. – И.М.). Священная война – вот только что тогда было возможно. Непримируемость против мистиков (под «мистиками» имеются в виду св. Григорий Палама и его сторонники – И.М.), <необходимость> продолжать и завершать Григо-

ру, а он «высокомудрствовал» своей карикатурой на Прокла, своими нелепейшими для 15 века «богами». История показала, что под знаменем православия славяне и греки сохранили свою национальность. Плифон же – даже в своих сношениях с Западом – не стремился получить помощь против турок (а так ли это? – *И.М.*). Так же как и Палама, Плифон во мне возбуждает только чувство омерзения (какой ужас! – *И.М.*). Я вспомнил византийскую пословицу: «В доме пожар, а жена наряжается». И такой жеманницей был Плифон со своим идеологическим кривлянием во время такой острой обстановки.

Хоть и с некоторым опозданием, позволю себе возразить моему дорогому учителю, причем в духе обожаемого им научного спора. Да, Плифона, пожалуй, можно было обвинить в измене отечественным (но не национальным, если иметь в виду эллинов!) интересам, что, впрочем, уже и делалось его современниками (стоит вспомнить лишь того же Георгия Трапезундского, объявившего Плифона «диссидентом» по отношению к византийской православно-христианской идеологии). В каком-то смысле поведение Плифона, как бы отринувшего христианство, действительно может быть названо «предательством» по отношению к отцовским идеалам, – в той же, впрочем, мере, в какой и западноевропейский Ренессанс понимался некоторыми (например, В.В. Розановым) как идея «эпохального предательства» («с великих измен, – говорил он, – начинаются великие возрождения»). Во всяком случае, побуждения Плифона (как и других византийских «гуманистов», его сторонников) были и благородными, и искренними, а плоды культурной деятельности – блестящими.

«Никакой ценной мысли в учености Плифона»?! А как же тогда быть с целым направлением в политэкономической науке, которая считает Плифона «великим учителем и зачинателем экономической науки», а уделом других школ признавалось на протяжении столетий развивать и «более аналитически излагать его воззрения, разрабатывая таким образом их теоретическое здание» (Савва Спенцас)? Как же тогда быть с весьма распространенным ныне представлением о Плифоне как «предшественнике новогреческого и вообще современного европейского сознания», включая и его «социалистические» идеи? Как быть с теми авторами, которые возводят (и весьма убедительно) к плифоновскому идейному влиянию зарождение концепции «Утопии» Томаса Мора (Д.М. Дерет), спора «философии» и «диалектики» (= Платона и Аристотеля) Луки дела Роббиа на Кампанيله во Флоренции, да и самой рафаэлевской «Афинской школы» в Ватикане, символизм и иконографическая программа которой тождественны, т.е. непосредственно соот-

ветствуют оценке двух великих философов античности Плифоном (Д.Г. Кацафанос)? Я уж не говорю о Флорентийской академии, в которой Плифон почитался как Платонов оракул и где его рассматривали чуть ли не как нового святого. Жаль, конечно, что судьба предназначила ему быть пророком не в своем собственном отечестве. Ну, что же делать?! Ведь это судьба не одного только Плифона!

«Нелепейшие для 15 века боги Плифона»?! Да, если понимать этих «богов» в буквальном смысле слова. Но ведь по существу весь его политестический пантеон во главе с пантократором Зевсом представлял собой систему персонификаций, философских категорий, описывающих мир и выведенных одна из другой согласно дедуктивному методу, которого придерживался Плифон. Наконец, я бы не стал говорить о моих «восторгах» перед Плифоном. Мне он интересен как трагическая личность, а вся его философия воспринимается мною как «крик души» человека в состоянии безвыходности, в котором оказалось его отечество, попытка найти в античном прошлом своего народа некий интеллектуальный ресурс, способный, по мнению Плифона, именно объединить народ перед лицом зловещих вызовов времени. Прав ли он был со всеми этими попытками – вопрос другой.



Д.А. Моисеев
(Симферополь)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ
КЕРАМИЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ПЛИНФЫ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА)

В 2009 г. в ходе раскопок княжеского дворца Мангупского городища была получена значительная коллекция плинфы (всего 317 фрагментов, в том числе 30 целых или археологически целых форм). Изучение этой группы керамического материала привлекает внимание по трем причинам. Во-первых, несмотря на постоянную встречаемость плинфы в ходе археологического изучения Мангупского городища, чрезвычайно редко речь идет о презентабельном материале, позволяющем ясно представить форму изделий и восстановить последовательность технологии их изготовления. Наш случай – исключение из пра-

вил. На сегодняшний день, это, безусловно, лучшая коллекция плитины из раскопок Мангупа, с точки зрения сохранности находок и возможностей их обработки. Во-вторых, весь полученный комплекс плитины происходит из археологических контекстов, связанных со строительством, функционированием и разрушением дворца. Другими словами, он имеет довольно узкие хронологические рамки бытования, в пределах 1425–1475 гг. Наконец, в-третьих, рассматриваемая коллекция плитины отличается высокой степенью стандартизации, как в технологическом, так и морфологическом аспекте. На этом вопросе стоит остановиться подробнее.

Технологически плинфа, из указанных археологических комплексов дворца, имеет красный в изломе черепок, плотное тесто с примесью известняка, шамота, железистых частиц и песка. Снаружи изделия обычно покрыты ангобом светлых тонов. Морфологически плинфа стандартна – прямоугольник либо квадрат. Из взятых в коллекцию целых или археологически целых форм только у пяти все стороны имеют «рабочую» поверхность. Их общие размеры – 11,4-13,6 × 11,5-12,5 см. Толщина плитины в пределах 2,6-3,7 см. Боковые стороны кирпичей имеют следы подпилов и отпилов, оставленные, очевидно, в процессе их изготовления. Толщина полотна инструмента (пилы?), которым оставлены эти следы, одинакова – 0,1-0,3 см. На двух формах сохранилась бороздка распилки на всю ширину изделия, которая составляет 0,2 см. Тыльную сторону плитины определить удается не всегда. Бороздки, оставшиеся от трамбовки формовочной массы в матрицу, часто различаются слабо. Из взятых в коллекцию экземпляров лишь на семи эти следы четко различимы. Отметим также, что тыльная сторона плитины часто имеет неровную поверхность, на которой могут присутствовать отпечатки пальцев мастера-формовщика.

Процесс производства плитины из раскопок Мангупского дворца представляется следующим образом. Вначале в деревянной рамке-матрице производилась формовка глиняного теста. Его трамбовка выполнялась специальной планкой. Точный размер матрицы не ясен, но, вероятно, он был не менее 34,2 × 34,5 см. При извлечении заготовки мастеру приходилось руками поддевать ее край, о чем свидетельствует появление отпечатков пальцев на краю кирпичей. Затем подсохшее изделие делили, как минимум, на 9 частей с помощью специального инструмента (пилы?). Распил, вернее надпил, делался не на всю толщину заготовки, а на глубину не более 2,3 см, при этом стандартным для мастера являлось, скорее всего, значение 1-1,1 см. После выполнения надпилов заготовка ломалась на необходимое количество плитин. При этом

отделенный от заготовки край не был точно вертикальным, а получался «рваным», неровным, что видно практически на всех взятых в коллекцию кирпичах. Полученные кирпичи-полуфабрикаты затем подвергались обжигу в печи.

Реконструируемая технология изготовления плинфы из раскопок княжеского дворца Мангупского городища, как и ее сортамент (т.е. набор форм и типов кирпичей), находит чрезвычайно близкие аналогии описанному в специальной литературе процессу производства данной группы строительной керамики на территории Византийской империи и Древнерусского государства, особенно для периода X–XIV вв. Несомненным представляется ее использование в комплексах дворца в качестве строительного материала, скорее всего, для возведения стен в технике «opus mixtum» и оформления арочных проемов, что также было широко распространено на памятниках византийского круга.

Дальнейшая детализация наших представлений о технологическом процессе и сортаменте мангупской плинфы зависит не только от открытия в ходе дальнейших раскопок новых археологических комплексов с презентабельными коллекциями этой группы керамики, но и успешных поисков специализированных гончарных центров в ближайшей округе Мангупа.



А.С. Мохов
(Екатеринбург)

МИКРОСТРУКТУРЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ (ФЕМНОЙ) СИСТЕМЫ X–XI ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Изучение военных и административных структур является одним из основных направлений современного византиноведения. Основой для современных исследований являются труды русских и зарубежных византинистов XIX – первой половины XX в. (В.Г. Васильевский,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

Ф.И. Успенский, Ю.А. Кулаковский, Н.А. Скабаланович, G. Schlumberger, J.B. Bury, A. Pertusi, V. Laurent, J. Karayannopoulos, G. Ostrogorsky, J. Ferluga). В последние десятилетия внимание специалистов все чаще привлекают отдельные элементы византийской военно-административной системы: «ромейские» фемы, «армянские» фемы, малые фемы, турмы, клисуры, провинциальные тагмы и т.д. В связи со значительным количеством и разнообразием работ, посвященных микроструктурам византийской фемной системы, представляется возможным выделить основные направления исследований:

1. *Публикация новых источников.* После издания в 1972 г. «Эскуриальского тактикона» (N. Oikonomides), каких-либо значительных, ранее неизвестных, письменных источников обнаружено не было. Однако началась массовое введение в научный оборот сигиллографического материала. За последние тридцать лет были опубликованы каталоги византийских печатей крупных музейных собраний, небольших провинциальных музеев, частных коллекций. Необходимо упомянуть также уникальные находки «архивов» византийских моливдовулов в Преславе, Севастополе и Судак. В общей сложности, с 1990 г. было опубликовано более 8000 печатей (B.C. Шандровская, N. Oikonomides, И. Йорданов, W. Seibt, J.-Cl. Cheynet, J. Nesbitt, E. McGeer, Ch. Stavrakos, Е.В. Степанова, Н.А. Алексеенко и др.). Определенная часть этих моливдовулов принадлежала византийским провинциальным чиновникам или же офицерам фемных вооруженных формирований. Как следствие, массовая публикация сигиллографического материала значительно расширила возможности для изучения отдельных элементов фемных структур.

2. *Исследование микроструктурных элементов византийской военно-административной системы.* Данное направление отличается наибольшим разнообразием изучаемых проблем. В работах отечественных и зарубежных византинистов, как историков, так и археологов, рассматривались следующие вопросы:

- история отдельных фем (N. Oikonomides, A. Guillou, W. Seibt, A. Savvides, И. Йорданов, Л. Максимович, Н.А. Алексеенко);
- провинциальные тагмы и стратиотские контингенты (Н.-J. Kühn, J.M. Martin, G. Noye);
- наемные отряды в составе провинциальных воинских формирований (М.В. Бибилов, D.A. Miller, H. Kennedy, J. Shepard);
- проблема т.н. армянских фем (W. Seibt, J.-Cl. Cheynet, В.П. Степаненко, В.А. Арутюнова-Фиданян).

Отдельно необходимо упомянуть о таком малоизученном элементе византийской военно-административной системы как малые фемы.

Они создавались, как правило, на незначительное время для решения определенных военных задач. После завершения боевых действий они либо ликвидировались, либо входили в состав более крупных провинций (войны Василия II с болгарским царем Самуилом, борьба с печенегами в 40–50-е гг. XI в.). Эти административные образования привлекали внимание исследователей лишь в последние годы, и их история требует дальнейшего изучения.

3. *Проблемы, связанные с трансформацией византийской фемной системы.* Внимание исследователей, в основном, привлекают два периода:

– 60-е гг. X – начало XI в. – военные преобразования императоров Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II, которые коренным образом изменили не только вооруженные силы, но и систему провинциального управления империи (Н.-J. Kühn, J. Haldon, T.G. Kolias, P.M. Бартияян, В.П. Степаненко);

– 60–80-е гг. XI в. – внешнеполитический разгром Византии, потеря большей части восточных фем и формирование на Востоке новых управленческих структур при Алексее I Комнине (J.-Cl. Cheynet, M. Angold, D.M. Nicol, К.Н. Юзбашян).

4. *Обобщающие исследования.* Попытки обобщить и систематизировать накопленные за последние десятилетия сведения о военно-административных структурах Византии X–XI вв. предпринимались неоднократно (коллективная монография «Asia Minor and its themes», 1998; C. Holmes, P. Stephenson, G.A. Leveniotis). Однако подобные попытки обобщения вряд ли можно считать удачными. Публикация нового сигиллографического материала зачастую опровергает сделанные авторами выводы. Таким образом, данные работы лишь фиксируют степень изученности проблемы на тот или иной период времени.

Подводя итоги, отметим, что исследование византийской военно-административной системы X–XI вв. в последние десятилетия ведется достаточно активно. Наиболее интересные результаты получены при изучении отдельных элементов фемной системы (микроструктур). Попытки обобщения накопленных материалов, напротив, необходимо признать неудачными.



В.Е. Науменко
(Симферополь)

К ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ В X–XI ВВ.: ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Изучение политической и административной истории Таврики X–XI вв. в историографии традиционно сводится к последовательному изложению ряда исторических сюжетов:

- хронология прекращения хазарского господства и восстановления византийского присутствия в горных и приморских районах полуострова;

- Таврика в контексте взаимоотношений Древнерусского государства и Византийской империи в X в., в том числе статус «Корсунской страны» в русско-византийских договорах, херсонский поход князя Владимира в 988–989 гг., время и обстоятельства образования Тмутараканского княжества;

- причины и характер восстания Георгия Цулы в 1016 г. и локализация области «Хазария», архонтом которой он являлся;

- византийско-печенежские отношения X–XI вв. как важнейший фактор международной политики в Северном Причерноморье.

Нужно сказать, что вплоть до недавнего времени все указанные вопросы решались, главным образом, на основе анализа сведений немногочисленного и давно уже определенного круга письменных источников: греческих (Фотий, Николай Мистик, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана, Лев Диакон, Иоанн Скилица, Анна Комнина, Тактикионы, нотиции), латинских (Лиутпранд Кремонский), древнерусских («Повесть Временных лет», Иаков Мних) и восточных (Еврейско-хазарская переписка X в., «Кембриджский Аноним», Ибн Русте, Ибн Хордадбех, ал-Факих, ал-Идриси), дополняемого изредка эпиграфическими свидетельствами.

Современный этап изучения интересующего нас периода времени в истории Таврики отличается рядом важных особенностей. Во-первых, в последние годы в научный оборот введен значительный фонд сфрагистических материалов, происходящих из прибрежной зоны Херсонесского и Судакского городищ, а также с территории Боспора и Мангупа, после чего стало возможным предметное изучение собственно административного устройства этой отдаленной провинции Византии. Во-вторых, в современной историографии отмечен рост публикаций результатов раскопок крупных средневековых городских центров

полуострова (Боспора, Сутдеи, Тепсеньского и Мангупского городищ, Парthenита, Херсона) и появление первых попыток систематизации знаний об археологических памятниках X–XI вв., хотя бы в пределах крупных историко-географических зон.

Несмотря на то, что процесс введения в научный оборот источников продолжается, уже сейчас можно говорить о значительном расширении источниковедческой базы по истории Таврики X–XI вв. и необходимости ее систематизации. При этом речь идет не только о создании максимально полного реестра вещественных источников, их картографировании, установлении объективной хронологии каждого комплекса, а затем синхронизации полученных результатов в пределах памятника и, в конечном итоге, всего полуострова, но и о ревизии, в связи с результатами новых исследований, нарративных свидетельств. Настоящий доклад посвящен первым результатам такой работы.



А.А. Непомнящий
(Симферополь)

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Вопросы изучения Эски-Кермена неоднократно обсуждались в переписке крупнейшей фигуры крымского краеведения А.И. Маркевича с деятелями науки в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. 12 апреля 1929 г. в письме к академику С.Ф. Платонову Маркевич изложил свое видение конфликта, развернувшегося между двумя крупными археологами – исследователями Крыма той эпохи: Н.И. Репниковым и Н.Л. Эрнстом. Научные интересы двух археологов тогда столкнулись на Эски-Кермене. Каждый из них просил Академию наук о разрешении на организацию собственной экспедиции, чего Маркевич не рекомендовал делать: «Вдвоем они сразу переругаются». При этом он охарактеризовал для С.Ф. Платонова Эрнста: «Н.Л. Эрнст высокообразованный человек, работающий вполне научно, с немецкой выдержкой, осторожно, аккуратно, но копал только курганы и пещеры, да городище в Симферополе». При всей сложности, даже антагонизме, отношений Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста А.И. Маркевич советовал С.Ф. Платонову ис-

пользовать в деле изучения Эски-Кермена опыт обоих археологов. «Оба они дополняют друг друга», – заключал он.

С.Ф. Платонов в последующем постоянно интересовался ходом исследований на Эски-Кермене, а Арсений Иванович подробно информировал его о положении дел. Так, 24 мая 1929 г. он сообщал в Ленинград: «Как председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии меня, конечно, сильно смущали и волновали нелады Н.И. Репникова с Н.Л. Эрнстом, я очень желал бы, чтобы они прекратились, и самолюбие и того и другого лица было принесено в жертву науки. – Но отношение между ними осложнялись, захватили широкие научные сферы, целые учреждения, причем ни Москва, ни Ленинград не проявили, как будто, желания помирить двух научных работников, хотя бы путем третейского суда, на что, насколько я осведомлен, Н.Л. Эрнст охотно бы согласился. Оба эти лица искренне преданы науке, оба они связаны своей работой с Эски-Керменом, – по-моему, Эрнст больше, но это все равно, – и участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того и другого должно вызывать только сожаление».

В связи со вниманием Академии наук к организации раскопок на Эски-Кермене, интересно письмо Николая Львовича Эрнста, адресованное Владимиру Ивановичу Вернадскому. Крымский краевед был приглашен В.И. Вернадским для участия в заседании АН СССР, где обсуждался вопрос дальнейших исследований Эски-Кермена. 21 марта 1929 г. Н.Л. Эрнст сообщал в Москву: «я занимался изучением Эски-Кермена вплотную давно, с 1921-го года, делал доклад о результатах этого изучения на Керченской Археологической Конференции в 1926 г., в Москве и в Ленинграде (в ГАИМК'е) в 1927 г., и написал большую работу об Эски-Кермене и проблеме пещерных городов в Крыму, с чертежами и фотографиями, предполагал в 1927 и 28 г. раскопки Эски-Кермена, как продолжение своего изучения надземных памятников этого городища. Однако в это же время Эски-Кермен пожелал изучать и раскапывать Н.И. Репников, причем отеснил меня от этой работы при помощи способов и приемов, которые сделали для меня невозможной совместную с ним работу. Ввиду того, что подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу, в виду того, что я, живя в Симферополе, совершенно бессилен в отстаивании себя, а Н.И. Репников имеет гораздо большую возможность добывать ассигнования на раскопки, в виду того, наконец, что я вообще человек миролюбивый и всяких свар избегаю, – я отстранился от дальнейшей работы на Эски-Кермене.

К сожалению, я сейчас не могу представить Вам свою работу об Эски-Кермене, так как рукопись ее лежит (уже почти два года) в Москве в ожидании напечатания. Я бы очень хотел принять в дальнейшем посильное участие в работе по исследованию Эски-Кермена».

В июле 1929 г. А.И. Маркевич занимался организацией поездки Платонова в Крым. Академик планировал отдохнуть в Гаспре, а затем на Эски-Кермене встретиться с немецкими учеными Зауером и Финдейзенom. Готовясь к этой встрече, Платонов, при содействии Маркевича, внимательно ознакомился с результатами исследований Н.И. Репникова на Эски-Кермене и даже опубликовал в «Вестнике знания» небольшое сообщение о ходе работ.

К середине 1929 г. противостояние Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста достигло своего апогея. Об этом Арсений Иванович информировал С.Ф. Платонова как академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР. Н.И. Репников, организовавший крупномасштабное исследование Эски-Кермена, все силы отдавал этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его переписка с искусствоведом, руководителем Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России Центральных государственных реставрационных мастерских А.И. Анисимовым, отложившаяся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи. Подробную информацию по этому же вопросу содержит переписка Н.И. Репникова с заведующим Реставрационным подотделом Центральных государственных реставрационных мастерских И.Э. Грабарем. Документы свидетельствуют о желании Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена.

Узнав от А.А. Спицына об открытии Н.И. Репникова в 1928 г. на Эски-Кермене крупного поселения с остатками крепостной стены, С.Ф. Платонов поделился этой информацией с Ф.А. Брауном. Это было вполне логично с учетом давних научных связей двух ученых. Браун, в свою очередь, проинформировал об успехах советских археологов своих немецких коллег, которые выступили инициаторами организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для решения так называемой «готской проблемы». С.Ф. Платонов поддержал эту идею и 11 апреля 1929 г. обратился с письмом к заведующему отделом научных учреждений Совета Народных Комиссаров СССР Е.В. Воронову. Получив согласие этого чиновника, С.Ф. Платонов 24 апреля 1929 г. провел через Общее собрание АН СССР решение о необходимости проведения археологических исследований в Крыму совместно с германскими учеными. Вот почему академик так пристально интересовал-

ся у А.И. Маркевича положением дел на Эски-Кермене, взаимоотношениями Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста. Именно поэтому, приехав в Крым на отдых в августе 1929 г. он планировал посетить Эски-Кермен и лично сопровождать немецких ученых. Но обстоятельства распорядились иначе...

Отдохнув в Гаспре, С.Ф. Платонов так и не дождался немецких археологов, которых он намеревался лично встретить в Симферополе и сопровождать на Эски-Кермен. В начале сентября он вынужден был вернуться в Ленинград. Причиной этому было не окончание срока отпуска, а начавшаяся в это время «чистка» Академии наук – работа Комиссии по проверке аппарата учреждений Академии наук СССР.

Уезжая из Крыма, С.Ф. Платонов порекомендовал все организационные заботы о немецких археологах Зауре и Финдейзене, которые должны были определить объемы предстоящих исследований советско-германской археологической экспедиции, Арсению Ивановичу Маркевичу. 9 сентября 1929 г. А.И. Маркевич писал в Ленинград о том, как проходила подготовка к встрече немцев, их прибытии и времяпрепровождению. 13 сентября 1929 г. он сообщал в Ленинград об исследованиях на Эски-Кермене Зауера: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году». Уже 23 сентября 1929 г. он подытоживал: «Самое важное – немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене] и проблема крупных раскопок в будущем году, упрочилась».



И.А. Орецкая
(Москва)

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ ЦЕНТРАХ КОНЦА XI В. НА ПРИМЕРЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ЛИТУРГИЧЕСКИХ ГОМИЛИЙ ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

Большинство иллюстрированных рукописей шестнадцати литургических Гомилий Григория Назианзина были созданы во второй половине XI – начале XII в. Почти все они – за исключением Vat. gr. 463 – не датированы. А.-М. Бруни в своей диссертации (Бруни А.-М.

Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы, 2004, С. 106-108) справедливо отнес большинство богато иллюстрированных греческих рукописей этого текста к последней четверти XI в.

Несколько рукописей шестнадцати Гомилий Григория Назианзина, созданных в последней четверти XI в., обнаруживают сходства, касающиеся как кодикологии и палеографии, так и иконографии и стиля миниатюр. В манускриптах Син. гр. 61 и BN, gr. 533 похожи расположение текста на странице, почерка, заставки к двум первым гомилиям, характер использования в изображениях золотого ассиста (для наиболее значимых фигур), иконография некоторых композиций; в обеих есть выходная полностраничная миниатюра. Однако по стилю миниатюр московская рукопись ближе не парижской, а туринской (Biblioteca Nazionale Universitaria di Torino, C.I.6); кроме того, четыре миниатюры в манускриптах из ГИМ и Университетской библиотеки в Турине имеют одинаковую или очень похожую иконографию. Дж. Андерсон предположил, что оба они происходят из одного художественного центра, где позднее, во второй четверти XII в. была украшена миниатюрами великолепная рукопись (Sinai, gr. 339) Гомилий Григория Назианзина (Anderson J.C. The Illustration of Cod. Sinai. Gr. 339 // Art Bulletin. 1979. Vol. 61. N. 2. P. 180). *Курсивное* письмо туринских Гомилий напоминает почерка, которыми написаны рукописи из Парижской национальной библиотеки Coislin 239 и монастыря Пантелеймона на Афоне cod. 6. Две последние похожи друг на друга не только почерками, но и составом иллюстративных циклов, использованными в миниатюрах иконографическими схемами и стилем изображений.

Высокий уровень исполнения миниатюр в рассматриваемых рукописях, достаточно обильное применение золота в некоторых из них, а также богословская разработанность циклов изображений дают основание полагать, что местом их создания был Константинополь.

Выявленные сходства между рукописями позволяют предположить, что приблизительно с 70-х гг. XI в. в Константинополе существовал рукописный центр, заметную часть продукции которого составляли иллюстрированные рукописи шестнадцати литургических Гомилий Григория Назианзина. В его рамках осуществлялось гибкое сотрудничество между писцами и художниками.



И.С. Охлупина
(Екатеринбург)

ТЕМА ДЕТСТВА В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА*

Жанр «священной биографии» предполагал обращение агиографа к теме, связанной с отправной точкой жизни любого человека – детству. Образ идеального детства в житии святого не отражал в полной мере византийских реалий, потому не может восполнить многие лакуны в изучении истории детства в Византии. Однако этот образ может свидетельствовать о восприятии детства как определяющего и формирующего этапа дальнейшего жизненного пути человека самими византийцами, об их представлениях о надлежащей роли родителей в воспитании детей и выборе их будущей профессии, и, в совокупности с другими источниками, о содержании византийского идеала поведения ребенка и его родителей.

Описания семьи и детства святого часто отсутствовали в житиях святых поздней античности, поскольку идеалы отшельничества и монашества предполагали отказ святого от связей со своим прошлым, со своей землей, семьей, миром людей. К средневизантийскому периоду взгляды агиографов на необходимость описания происхождения и детства святого в его житии изменились. В житиях этого периода стали упоминаться, хотя бы коротко, сведения, связанные с происхождением святого или святой, включая имена родителей, их социальный статус, место рождения и образование. Житийная литература чутко реагировала на изменение предпочтений ее читателей и слушателей, потому святой без семьи мог получить родителей в средневековой редакции его жития. В представлениях агиографов добродетели и святость могли наследоваться святым от родителей, в свете чего описание жизни родителей или же детей святой приобретало особое звучание. Отсутствие описаний детства святого в житии в этот период наряду с противоречивой хронологией могло свидетельствовать о слабой информированности автора о жизненном пути святого или соответствовало риторическим задачам конкретного жития.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

Описание детства святой женщины в агиографии в соответствии с дидактической направленностью этого рода литературы предполагало строгое следование формальной традиции и обязательное присутствие ряда добродетелей. Скромность, мягкость и сдержанность отличали идеальную девочку с самых пелен. Будущая святая с детства славилась красотой, набожностью и благоразумием, трудолюбием, легким постижением искусства прясть. Образ юной девочки, плетущей, вяжущей и шьющей одежду, был топосом в византийской агиографии в течение столетий. От византийской матери требовалось обучить свою дочь искусству прясть, ткать и разного рода рукоделиям, без которых невозможно было ни одно благоустроенное хозяйство. Жены и дочери императоров уравнивались в этом отношении с простыми смертными; когда девушка приходила в возраст, достаточный для того чтобы работать, для нее приобретали особый станок, все необходимые для женских работ орудия, и она принималась за дело наравне со всеми остальными обитательницами гинекея. Святые мальчики или сыновья святой с детства имели серьезность пожилого мужчины, не играли в игры, не проводили время за своими сверстниками и демонстрировали ум и образованность.

Знаки божественного избрания, таланты к учению, знакомство с книгой Псалмов, повиновение родителям, стремление к девству, несмотря на давление семьи, стали общими местами агиографии средне-византийского периода. Авторы житий упоминали насколько важно не предпочитать никого Христу, однако также подчеркивали важность добродетелей повиновения родителям и уважения к семье. Родители могли предопределить путь святого. По замечанию автора жития Феодоры Солунской, ум детей, будучи слабым, легче изменяется и преобразуется в соответствии с каким-либо свойством начальствующего и собеседующего. Потому, тот, кто общается с мудрыми, будет мудр. Некоторые аристократические семьи посвящали одного или более детей Богу в качестве жертвы в надежде на милосердие Бога или же в надежде на будущую святость и заступничество таких детей перед Богом. Родительская привязанность, обусловленная самими законами природы, по свидетельству житий, могла мешать монашескому служению.

Жития святых женщин демонстрируют высокий уровень смертности среди детей в семьях византийцев. Возраст вступления в брак византийской женщины (12-13 лет) предполагал, что она сможет родить большее количество детей. Смерть детей, по свидетельству житий святых, должно было переносить с мужеством и не доходить в страдании до потери рассудка.

Таким образом, описания детства в житиях святых женщин демонстрируют, что агиографы рассматривали детство как время возвращения добродетелей и проявления знаков божественного призвания. Для идеального ребенка в представлениях византийских агиографов в данный период были характерны раннее развитие и одаренность, любовь к чтению Священного Писания, стремление к девству, несмотря на давление семьи, и его уважение к воле своих родителей.



Н.Г. Пашкин
(Екатеринбург)

РЕАКЦИЯ ЗАПАДА НА ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ: РЕГЕНСБУРГСКИЙ РЕЙХСТАГ 1454 Г.*

Опасность турецких нашествий для Европы стала очевидной задолго до падения Константинополя. Однако противодействие ей носило спорадический характер, не выходя за рамки операций локального значения, организованных благодаря энтузиазму отдельных лидеров. Общеевропейский уровень реагирования на вызов, исходящий с Востока, ограничивался призывами папы, которые, как правило, оставались без серьезных последствий. Катастрофа 1453 г. изменила ситуацию как раз в том смысле, что Запад попытался отреагировать на нее как политическое и духовное целое. Именно в этом ключе можно оценивать рейхстаг в Регенсбурге 1454 г. Сама идея и план его проведения являются частью той общей противоречивой картины, характеризующей реакцию западного мира на уничтожение Византийской империи.

История созыва Регенсбургского рейхстага отразила столкновение масштабов задуманного мероприятия и политических реалий. В основе замысла лежала идея организации общеевропейского форума, на котором при участии большого количества политических и духовных лидеров предстояло выработать план всеобщего крестового похода против османов. Масштабность проекта и его задачи требовали, чтобы инициативу в этом вопросе проявила сила, наделенная претензией на поли-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

тический универсализм. В качестве таковой, как известно, выступал император Священной Римской империи (на тот момент – Фридрих III Габсбург, 1440–1493). Поэтому роль такого форума и предстояло сыграть имперскому собранию (рейхстагу), но с расширенным составом участников в лице всех важнейших государств Запада.

Однако реальный авторитет императорской власти явно не позволял выдвинуть ее носителя в качестве общеевропейского лидера и, следовательно, инициатора такой акции. Поэтому формально инициатива созыва рейхстага была предоставлена папе Николаю V (1447–1455). Император же выступал как его легитимный организатор, но по рекомендации понтифика. Связующим звеном между ними и фактическим творцом всего мероприятия был известный гуманист Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II, 1458–1464), являвшийся на тот момент епископом Сиены и руководителем императорской канцелярии. Показательно, что в недрах папской курии в ходе подготовки рейхстага был разработан и план антитурецкой стратегии. Одна его часть предполагала сосредоточиться на обороне Италии от вероятного вторжения мусульман. Вторая часть исходила из концепции крестового похода, которая и была рекомендована как основа для решений предстоящего собрания.

Регенсбургский рейхстаг проходил в апреле-мае 1454 г. Идея обеспечить на нем широкое представительство провалилась. Несмотря на множество приглашений, европейские государства проигнорировали конгресс. Из крупных фигур империи лично присутствовали лишь герцог Баварский и маркграф Бранденбургский. Большим дипломатическим успехом стало прибытие герцога Бургундского Филиппа III Доброго, который был известен пропагандой крестового похода. Личное участие самого императора было сорвано. Фридрих III был занят непростыми отношениями с венгерскими соседями домена Габсбургов, и это оказалось для него предпочтительнее имперской политики. Папа Николай V прислал легата, но вопреки ожиданиям, не самого высокого ранга. Вместо кардинала прибыл епископ Павии.

Немаловажный урок собрания в Регенсбурге для его организаторов состоял в том, что вместо консолидации европейских сил рейхстаг отразил гигантский клубок международных противоречий. Все понимали значение Венгрии в сдерживании турок, однако участию в собрании венгерского короля Ласло V (1445–1457) помешали его напряженные отношения с императором и Бургундией. Для самого герцога Бургундского участие в рейхстаге, по-видимому, было привлекательно возможностью встречи с Фридрихом III. По свидетельству современни-

ков, герцог упорно добивался признания за собой королевского титула. В отсутствие императора участие в рейхстаге потеряло для Филиппа прежний смысл, и под предлогом болезни он самоустранился. Атмосферу собрания отравляла и еще одна проблема – недавно начавшаяся борьба Тевтонского ордена с Прусским союзом, который был поддержан Польшей. Ни о каком сотрудничестве с польским королем в Регенсбурге теперь не могло быть и речи.

В результате, рейхстаг разработал абстрактный план военных и дипломатических усилий по созданию большой антитурецкой коалиции, выходящей даже за пределы Европы. Для его обсуждения на сентябрь того же года было запланировано новое собрание во Франкфурте. Можно отметить, что конгресс в Регенсбурге стал знаковым явлением поствизантийской действительности. Он показал, что на падение Константинополя Запад отреагировал осознанием необходимости создания регуляторов международных отношений внутри западного мира.



М.А. Поляковская
(Екатеринбург)

ADORATIO В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РИТУАЛА*

Византийский дворцовый церемониал на протяжении веков транслировал официальную концепцию величия империи и торжество императорской власти. Времена менялись, трансформируя реальный статус страны в контексте евроазиатского мира, однако, как прежде, придворный «театр власти» был ориентирован на фигуру императора, бывшего объектом и субъектом византийского церемониала.

Проявления почитания, прославления и обожествления императора были различными по сценарию, но едиными по духу: это был тот или иной уровень превознесения императора – полихрония, эвфимия, теофания. Непременными формами церемониального выражения почтения к правителю были проскиниза (коленипоклонение) и аспасм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-00158а) и Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

(целование). Восходя к традициям Древнего Рима, эти две формы почитания императора обозначались в римские времена общим для них словом *adoratio* (обожание, поклонение).

Было бы преувеличением усматривать в проскинизе и аспасме как формах почитания прямое заимствование римлянами восточных ритуалов. Во времена Поздней республики и принципата они были всего лишь проявлением коленопреклоненной просьбы или выражением благодарности за какую-либо милость. Лишь при Диоклетиане проскиниза вновь стала обозначать почитание, преклонение подданных перед императором.

С принятием христианства как государственной религии при Константине I значимость *adoratio* в дворцовом церемониале на некоторое время снизилась: царь не мог быть выше Бога. Ритуал коленопреклонения использовался в это время преимущественно лишь при введении в должность. Византийская «судьба» проскинизы начинается со времени правления Юстиниана I, когда сенаторы и патрикии в присутствии императора и императрицы падали перед ними ниц, целуя им ноги. Традиция ритуала проскинизы сохранялась в течение всей дальнейшей истории Византийской империи. Тип проскинизы определялся характером приема (будничным или праздничным), значимостью праздника, социальным статусом поклонявшегося лица и множеством других церемониальных уточнений. Упоминания о «ногоцеловании» и «коленоцеловании» встречаются в «Книге церемоний» значительно чаще, чем другие формы аспасма. Сохранилась ли традиция проскинизы и аспасма в поздневизантийское время? Коленопреклонением перед императором, согласно Псевдо-Кодину, начинался и заканчивался каждый из наиболее значительных приемов. Это было более или менее низкое коленопреклонение, а не падание ниц. Но как бы то ни было, проскиниза являлась не только формой поклона императору, но и привилегией. Что касается ритуала аспасма в поздневизантийское время, то он был характерен прежде всего для церемонии праздника Пасхи. Если сравнить отраженный в церемониальном трактате Псевдо-Кодина ритуал поклонения императору через проскинизу и аспасм с соответствующими церемониальными действиями во времена Юстиниана I или Константина VII Багрянородного, то вариант палеологовской эпохи представляется более скромным. Казалось бы, напротив, в эпоху Палеологов, на фоне падения международного престижа империи и системного кризиса в стране, можно было бы ожидать стремления сохранить и усилить традиционные для дворцового церемониала обряды почитания василевса. Действитель-

но, уровень почитания сохранился, но он в значительной степени сдвинулся в сторону усиления теофанических моментов на фоне общей сакрализации жизни дворца.



Д.А. Реш
(Санкт-Петербург)

СИМЕОН ФЕССАЛОНИКИЙСКИЙ: ЕПИСКОП-ЮРОДИВЫЙ?

Византийская литература создала множество концепций авторской репрезентации. Однако, если в светских жанрах изучение «self-representation» давно стало модным направлением, то каким образом возможно изучение авторского «я» в произведениях духовного характера, проповедующих нищету духа и смиренное уклонение от любых разговоров о собственной личности?

А.П. Каждан показал присутствие личности автора в церковных текстах на примере литературы «монашеского возрождения». В последнее время изучение личности в духовной литературе привлекает все большее внимание византинистов (А.-М. Talbot, J. Munitiz, Th. Antonopoulou, E. Russell, Д.И. Макаров и др.).

Симеон Фессалоникийский известен как церковный писатель XV в., автор проповедей, пастырских посланий, экзегетических сочинений и богослужебных текстов. В настоящей работе мы ставим вопрос о создании образа автора в творчестве фессалоникийского епископа. На страницах собственных произведений Симеон появляется в образе пастыря-страдальца. Он считал себя непригодным к епископскому служению и не желал его (Balfour, 1979, P. 53.33 – 54.6; далее ссылки на это издание). Однако, став епископом, Симеон видит цель своего служения в том, чтобы свидетельствовать о правде в сложившихся невыносимых обстоятельствах (58.1-25) и страдать вместе со своим народом (54.38 – 55.2).

В 1422 г. в разгар конфликта между горожанами Симеон предпринял путешествие в Константинополь. Отправившись в путь 8 июня, он чудом избежал гибели, так как уже через неделю к городу подошли главные османские силы и началась блокада Фессалоники. Симеон называет точные даты для того, чтобы убедить читателя, что покинул город задолго до турецкого нашествия и не имел намерения бросить осажденную Фессалонику. К этому времени он уже достиг Афона и намеревался продолжить путь, но был вынужден возвратиться, повинаясь

правителю Фессалоники деспоту Андронику и наставлениям афонских отцов. Он вернулся вопреки своему желанию, так как знал, что ничем не может быть полезен, и все, на что он годен – это страдать и скорбеть вместе со своей паствой.

Данный эпизод чрезвычайно важен для понимания авторской стратегии представления читателю. На наш взгляд, Симеон описывает свое возвращение в Фессалонику как добровольное восхождение на крест. С этого момента для него началось время невыносимых страданий, которые он собирается предьявить Христу в час Суда как свое единственное оправдание. Складывается впечатление, что автор представляет себя читателю в образе святого епископа-исповедника, создавая основания для своей последующей канонизации.

Однако в описании возвращения нет ни героизма, ни решительности древних мучеников. Симеон словно специально подчеркивает свою немощь и нежелание отправляться в город. Далее автор обращается к теме человеческой немощи и бессилия, он выделяет свою телесную слабость, свое ничтожество в глазах паствы. Цитируя апостола Павла (1 Кор. 4.13), он называет себя «сором для мира, отбросами для всех». К этой теме епископ возвращается неоднократно: он не стесняется рассказать о том, как толпа со злостью выкрикивала проклятия, отвергая его как человека и пастыря, и угрожала стереть его в пыль вместе со всеми храмами (56.16-19). Над ним смеялись и издевались, обвиняя его в ничтожестве и бесполезности (58.4-9). Автор заявляет о своей телесной немощи, вызывавшей в средние века отвращение и стыд. Тема боли и физического страдания проявляется как напрямую в высказываниях о себе, так и в многочисленных упоминаниях о боли, крови, страдающей телесности. Например, Симеон ставит ангельскую природу ниже человеческой, говоря, что ангелы не имеют тела для терпения боли (40.35). Сомнения и боль, повсюду сопутствующие автору, наделяют его образ глубоко человеческими чертами, лишая его иконописной строгости и величия, а в облике осмеянного епископа проступает определенное сходство с юродивым.

Несомненно, христианская линия является ведущей в репрезентации Симеона. Образ христианина складывается из нескольких составляющих: в первую очередь, автор представляет себя в соответствии с занимаемым им местом в церковной иерархии, т.е. как епископа, исполняющего свой пастырский долг. С другой стороны, он отождествляет себя с поруганной правдой, и его страдания выступают в качестве физического воплощения грехов фессалоникийцев. Одновременно Симеон стремится избежать параллелей с агиографическим канонem и

выставляет себя как достойного осмеяния неудачника. В результате образ автора соединяет черты святости и юродства, вызывая своей неоднозначностью удивление современного читателя.



А.И. Романчук
(Екатеринбург)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ
М. Я. СЮЗЮМОВА И МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК
ПОРТОВОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА*

Пребывание в Свердловске архивных материалов и находок, которые были эвакуированы из Севастополе в начале Великой Отечественной войны, способствовало оценке М.Я. Сюзюмовым значимости археологических свидетельств при обращении к изучению вопросов исторического развития византийского города и данных раскопок непосредственно Херсонесского городища. Он отмечал, что Херсонес является своеобразным «соединительным мостом» между античным и средневековым периодами и историей России. В данном плане закономерной является поддержка М.Я. Сюзюмовым проекта создания Крымской экспедиции при кафедре истории Древнего мира и Средних веков и постоянный интерес к ее работе в Херсонесе.

В течение первых лет деятельности экспедиции Е.Г. Суровым (1959–1961 гг.; западный район территории города) были получены свидетельства, относящиеся к периоду «темных веков», являвшиеся наглядным подтверждением идей М.Я. Сюзюмова о наличии континуитета в развитии византийского города. Последующие раскопки на территории портового района (с 1963 г.) существенно восполнили свидетельства, относящиеся к средневизантийскому периоду; анализ стратиграфии двух кварталов портового района позволил объяснить причины появления «археологических лакун»; обнаружение совокупных находок монет позднеантичного – ранневизантийского времени изменило представление о времени их обращения, что подтвердило теоретические

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

замечания И.В. Соколовой, А.М. Гилевич и В.В. Анохина, обращавших внимание на некорректность существующей интерпретации нумизматических данных. Кроме того в процессе изучения двух портовых кварталов была создана значительная коллекция керамических находок поздневизантийского времени, которые позволяют составить представление об ареале торговых связей города, в том числе и для конца XIII – первой половины XIV в. Находки Золотоордынских монет и сосудов – возможной продукции мастерских Фессалоник, противоречат однозначно негативной оценке Херсона как незначительного поселения.



П.В. Рубцов
(Барнаул)

АММИАН МАРЦЕЛЛИН В РИМЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗУЕМОСТИ

Понимание особенностей изображения Аммианом Марцеллином современной ему исторической реальности невозможно без учета его жизненного пути, социального статуса, предполагаемой аудитории и т.д. Поэтому реконструкции биографии Аммиана посвящено (специально или опосредованно) значительное количество работ. При этом существует ряд положений, которые воспринимаются в современной историографии как априорные. К ним можно отнести убеждение, что Аммиан свой жизненный путь окончил в Риме, где и написал (или завершил, как считает Дж. Мэтьюз) свой знаменитый труд. Это обстоятельство, по мнению современных исследователей, наложило серьезный отпечаток на содержание и направленность «*Res gestae*». Отметим, что многие положения традиционного взгляда на жизненный путь Аммиана подвергаются критике. Однако указанное убеждение не встречает ни сомнений, ни серьезного обоснования. Наша цель заключается в том, чтобы показать, что, говоря о нахождении Аммиана в Риме, мы находимся лишь в сфере предположений, что требует большей осторожности в выводах о системе взглядов Аммиана и направленности его труда.

Традиционный взгляд на переселение Аммиана в Рим был сформирован в XVII в. и после этого не претерпел существенных изменений. В предисловии к изданию «*Res gestae*» 1636 г. Анри де Валуа выдвинул в пользу этого взгляда ряд аргументов, основными из которых были следующие: описание нравов римской знати и плебса (XIV.6.7-26; XXVIII.4.6-35) могло интересовать только человека, живущего в Риме, и связано с личным опытом; указания, которые можно найти в самом тек-

сте «*Res gestae*», дополняются письмом Либания (Foerster, 1063). В последующем в историографии появляются дополнительные аргументы, из которых, прежде всего, нужно отметить предположение, что одно из писем Симмаха (Symm. Ep. IX.110) адресовано Аммиану, а также ставший общепризнанным взгляд, что Аммиан если и не был изгнан из Рима с другими приезжими в 384 г., то являлся свидетелем этому. Таким образом, данные аргументы строятся как на внешних источниках, так и на отдельных высказываниях самого Аммиана, при том, что сам историк нигде напрямую не говорит о своем пребывании в Риме.

После статьи А. Кэмерона (1964) скепсис в отношении того, что письмо Симмаха было адресовано Аммиану, стал общепризнанным, и это привело к отказу от представления о близости Аммиана кругам римской сенаторской аристократии. В 1987 г. Ч. Форнара в докладе, позже опубликованном (1992), подверг критике мнение об Аммиане как адресате письма Либания. Ряд исследователей сохранил традиционную точку зрения (Дж. Мэтьюз, Г. Сабба), другие же (Г. Бауэрсок, Т. Барнс) приняли аргументы Ч. Форнары. Примечательно, что дискуссия велась с целью уточнить происхождение Аммиана. Вопрос же о том, что это письмо изначально (начиная с Анри де Валуа) рассматривалось как подтверждение нахождения Аммиана в Риме и лишь потом – как свидетельство его антиохийского происхождения, в ходе полемики вообще не затрагивался. Участники данной дискуссии, на наш взгляд, фактически пренебрегла важным обстоятельством: Либаний ни разу не упоминается Аммианом, что свидетельствует скорее о правоте Ч. Форнары и его сторонников (тем более, что схожая аргументация приводилась А. Кэмероном в отношении письма Симмаха). Таким образом, мы не имеем внешних свидетельств о пребывании Аммиана Марцеллина в Риме.

Свидетельства же самого Аммиана могут быть интерпретированы по-разному. Описания нравов римлян настолько связаны с предшествующими литературными образцами, что сложно однозначно определить, обусловлены они личным опытом автора или нет. Впрочем, как и ссылка на нехватку продовольствия не обязательно относится к 383/384 г. Сам подход Аммиана к диахроническим ссылкам, когда за точку отсчета берется описываемое событие, а не время написания самой истории, и сложная обстановка 352–354 гг., связанная с ликвидацией последствий узурпации Магненция, в совокупности со свидетельством Либания (Lib. Or. XI. 174), говорят о том, что Аммиан мог подразумевать события середины IV в., когда его точно не было в Риме.



О.В. Семенов
(Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИСТЕМЫ РЕГУЛЯРНОГО СООБЩЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ*

Стремительное продвижение на восток поставило перед московским правительством задачу по укреплению своих позиций за «Камнем». Вот почему на наиболее важных и ответственных направлениях оформляется система регулярного сообщения. Так, в конце XVI – начале XVII в. профессиональные ямщики появились в Верхотурье, Туринском остроге и Тюмени. Несколько позднее были основаны Демьянский и Самаровский ямы. Оба этих населенных пункта располагались в Нижнем Прииртышье, играя роль связующих звеньев между отдельными частями региона. Через них проходил основной поток людей и грузов, направлявшихся в Центральную и Восточную Сибирь, и обратно.

В историографии отсутствует единство по вопросу о времени возникновения ямских поселений в низовьях Иртыша. Еще Г.Ф. Миллером было выдвинуто предположение, что это произошло в 1637 г. Некоторые из исследователей (П.Н. Буцинский, Х.М. Лопарев и др.) относили данное событие к 1635 г. Компромиссный вариант, правда, по отношению только к Самаровскому яму, предложил С.А. Белобородов. По его мнению, прибранные в 1635 г. в ямские охотники люди по неизвестным причинам не смогли (или не захотели) сразу же обосноваться в устье Иртыша. Лишь после повторного указа 1637 г. бывшие остяцкие юрты князя Самара были заселены.

Внимательное изучение уже введенных в научный оборот источников, а также привлечение ранее неизвестных архивных материалов, отчасти позволяет разрешить этот спор. Из документов следует, что в начале 1635 г. вышел царский указ об организации ямов в низовьях Иртыша. Летом того же года демьянские ямщики сумели обустроиться и в 1635/1636 г. приступили к гоньбе. Что касается Самаровского яма, то он был окончательно заселен весной-летом 1636 г., а функционировать начал в 1636/1637 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

Впрочем, не так давно А.Т. Шашков обратил внимание на содержащиеся в переписной книге Самаровской слободы (1683 г.) указания ряда ямщиков (Ю.М. Лыткина, А.Л. Карлина и М.В. Мухина) на то, будто каждый из них «в Сибирь пришел и живет на Самаровском яму» с 1632/1633 г. Вот почему исследователь не исключал возможности появления еще в начале 30-х гг. XVII в. указа о приборе «охочих людей» для поселения у Самаровых гор и на Демьянке. Тем не менее, вследствие своей малочисленности ямщики тогда так и не смогли решить проблему гоньбы в крае.

Предположение А.Т. Шашкова заслуживает серьезного внимания. Так, в одной из отписок тобольского воеводы князя М.М. Темкина-Ростовского «с товарищи» (1635) подчеркивалось, что сын боярский Ф.А. Скрябин прибирал в демьянские ямщики добровольцев «на сибирской ям *вновь* (курсив – О.С.)». Известно, что слово «вновь» имело несколько значений и могло употребляться в смысле «снова», «опять». Кроме того, в 1653/1654 г. в стенах Сибирского приказа была составлена выписка, в которой пересказывались основные положения указа 1635 г. об учреждении Демьянского и Самаровского ямов. В том месте, где речь шла о необходимости наделения «новоприборных охотников» денежным и натуральным жалованьем, неизбежность последнего объяснялась тем, что «*наперед того* (курсив – О.С.) велено было на те ямы ямщиков прибрать в Тоболску и Тоболского разряду в городех, а землю им под пашню велено отделить около ямских слобод». Наконец, весьма любопытные сведения содержатся в переписной книге Демьянской слободы (1683). Согласно источнику, уроженец Сольвычегодского уезда И. Н. Шехирев, «в Сибирь пришел и живет на Демьянском яму со 137 (1628/1629 г. – О.С.) году». Еще несколько ямщиков отметили то, что они поселились в устье р. Демьянки в 1630/1631–1633/1634 гг.

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что первые попытки учредить в Нижнем Прииртышье систему профессиональной ямской гоньбы, были предприняты еще в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. Впрочем, тогда они оказались не слишком удачными. Поэтому потребовались новые правительственные распоряжения, в результате которых Демьянский и Самаровский ямы стали реально функционировать.



В.В. Серов
(Барнаул)

«НУМЕРОЛОГИЯ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Привлекательность такого источника, как сочинения Прокопия Кесарийского, не только в сохранности всех его трудов. Прокопия ценят за многообразие информации и возможность многократно ее интерпретировать. Не случайно поэтому сохраняют актуальность поиск новых данных в произведениях Прокопия и реинтерпретация предоставленных им сведений. Обращение к теме специфики использования Прокопием цифр и чисел продиктовано стремлением к воссозданию более верной картины событий, описанных им.

Под нумерологией в данном случае понимается не оккультная наука, а собственно практика использования числительных, которым придана определенная смысловая нагрузка в соответствии с задачами произведения, в котором они появились. У Прокопия обнаруживается вполне определенная система обработки чисел, которыми он обозначал следующие вещи: расстояния, размер воинских контингентов, количество человеческих жертв, хронологические величины, денежные суммы, а также прочие количества, не относящиеся к перечисленным группам и составляющие отдельную группу.

Большинство приводимых Прокопием цифровых обозначений не несет сложной смысловой нагрузки и служит для того, чтобы разнообразить, в целом, достаточно унылое повествование о человеческих поступках. Не смотря на эту «безликость», не все такие числительные отражают действительность. То же можно сказать и о числах, играющих в произведениях этого автора роль дополнительной характеристики описываемого объекта: большинство из них подверглось авторской обработке и утратило непосредственную связь с реальностью. Впрочем, для современного исследователя имеет значение не только констатация факта манипуляции Прокопия числами как фактическим материалом, но и выявление принципов, которые тот при этом применял.

При обозначении расстояния между различными объектами Прокопий предпочитал пользоваться такими мерами, как «стадия» и «дни пути», что обнаруживает ориентированность автора на читателя-византийца. Бросается в глаза также отказ автора от точности: почти все величины этой группы округлены до десятка, иногда до сотни, а дробные числа не встречаются вовсе. Излишняя округлость смягчается

наречиями «приблизительно», «более» и «не менее». Большинство использованных здесь чисел кратны двум, пяти или семи, реже трем.

Показывая размеры войсковых единиц византийцев, их врагов и союзников, Прокопий вновь придерживается правила кратности двум, пяти или семи. Это относится как к большим числам, так и к малым, выражающим численный состав первичных подразделений. Данное обстоятельство, возможно, проливает дополнительный свет на проблему численности позднеантичных войсковых единиц.

Не менее интересно использование Прокопием чисел, выражающих человеческие потери от войн или других бедствий. Характеризуя страдания мирного населения, автор «Войн Юстиниана» отходит от сотен и тысяч и прибегает к порядку мириад, причем таким образом, что наименьшими числами становятся двадцать и тридцать тысяч пострадавших. Так как подсчитать жертвы какой-либо войны византийскому обывателю было очень затруднительно, Прокопий в этом случае позволял себе большие вольности, чем в отношении расстояний и численного состава армий.

Наиболее точными числами у Прокопия Кесарийского явились, по видимому, только обозначения хронологических величин. История весьма почиталась римлянами и византийцами, и Прокопий учитывал это. Он не стремился фантазировать в данной области, напротив – создавал для самого себя возможности проявить образованность и тем вызвать благоприятное впечатление у читателей. Все же, манера обозначать малоизвестные или малозначительные величины числами несоответственными проявилась и здесь. Прокопий чаще пользуется цифрой «3» и кратными ей числами, которые, вероятно, вызывали большее доверие у образованной аудитории.

Замечания о числах – денежных суммах сводятся, в общем, к тому, многие из них обсуживали тенденциозную направленность известных прокопиевых пассажей. И здесь тоже необходимо отметить преобладание чисел, кратных двум, трем и пяти. Напротив, семерка почему-то встречается крайне редко.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие предварительные выводы. Прокопий не занимался нумерологией, весьма культивируемой в образованной среде Ранней Византии. Как уважающий себя историк он не мог заменить ею фактический материал, полностью искажив действительность. Вместе с тем учения о числах и отношение к определенным числам в обществе были ему хорошо известны. В своих произведениях Прокопий использовал веру людей в магическое содержание цифр, и тем самым вызывал к излагаемым фак-

там большее доверие читателей. В связи с этим числа, встречающиеся в трудах Прокопия Кесарийского, требуют дополнительного внимания и специального изучения.



В.П. Степаненко
(Екатеринбург)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ВИЗАНТИИ X В.*

Миграционные процессы в Византии традиционно были связаны с внешнеполитическими потрясениями – утратой ближневосточных территорий вследствие арабского завоевания и балканских – вследствие славянских вторжений. Часть населения оккупированных территорий, не желая оставаться под властью иноверцев и язычников, оставляла насиженные места, переселяясь вглубь империи. На смену ему приходили арабы и славяне. В то же время, византийское правительство, возвращая себе ту или иную территорию с враждебным ей или же как минимум чуждым в конфессиональной плане населением, стремилось ослабить его сопротивление путем создания во вновь завоеванных областях опоры в лице переселенцев, организуя перемещение населения в пограничные территории или легитимизируя процесс стихийного их заселения. Вспомним хотя бы славянские колонии в Вифинии или же армянские во Фракии в период иконоборчества.

Переселенческая политика Византии предельно активизировалась во второй половине X в. в связи с отвоеванием у арабов ближневосточных территорий. Свидетельства об этом сохранили как греческие, так и арабские, армянские и сирийские источники. При этом собственно греки не стремились к заселению пограничных фем, вынуждая как центральные, так и провинциальные власти искать и находить желающих вне пределов империи. Показательно в этой связи сообщение Михаила Сирийца о предложении Никифора Фоки яковитскому патриарху Мар Иоанну с предложением организовать заселение его паствой районов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

Мелитены, Хандзита и Каллисурь и перенести сюда патриарший престол, ранее перемещавшийся в пределах арабских владений (Антиохия, Харран, Эдесса, Каллиника). В присланном патриарху хрисовуле василевс обещал сотворить мир между яковитами и халкедонитами, т.е., как кажется, гарантировал яковитам свободу вероисповедания. Патриарх организовал переселение и сам обосновался в Мелитене. Одной из причин этого Михаил Сириец называет преследование яковитского клира и паствы со стороны православного патриарха Антиохии. На новом месте развернулось широкое строительство церквей и монастырей. Но уже в 969 г. патриарх и епископы по приказу императора были вызваны в Константинополь для дискуссии об истинной вере. Отказавшись признать халкедонитский символ веры, все они оказались в заключении и получили свободу лишь после убийства Фоки. Позже гонения на яковитскую церковь имели место в 984, 1003 и 1028 г. В последнем случае после отказа признать все тот же символ веры, яковитский клир был отправлен в ссылку, где в 1031 г. скончался патриарх. Его преемник, опасаясь репрессий со стороны некоего Константина из Антиохии, по-видимому, дуки Константина Пафлагона, брата императора Михаила IV, бежал в арабские владения и обосновался в Амиде.

Показательно, что антияковитская компания в Антиохии началась после того, как халкедонитский патриарх съездил в Константинополь и получил санкцию императора на борьбу с еретиками, сирийцами и армянами. Армянская эмиграция на территорию восточных фем империи началась еще в VIII в. как явление сугубо стихийное. Об этом пишет Степанос Таронаци. Здесь образуются епархии армяно-григорианской церкви, подчиненные католикосу Эчмиадзина. В то же время и Византия использовала армянскую миграцию с целью заселения все тех же пограничных территорий (деятельность Мелии-Млеха в Ликанде).

Напомним, что в Византии армяно-григориане, как и яковиты рассматривались как еретики, вплоть до запрещения браков с ними. Поэтому появление в приграничных районах населения, чуждого как в этническом, так и в конфессиональном отношении, но полезного в плане экономическом и военном (новые налогоплательщики и стратиоты), потребовало особых усилий византийских властей по унификации их, как минимум, в конфессиональном плане. В связи с этим гонения на клир со стороны государства и государственной церкви велись по инициативе правительства и имели целью обращение переселенцев в православие. Последнее рассматривалось и как свидетельство лояльности новых подданных василевсу, и как первый шаг по их культурной ассимиляции. Действительно, большая часть переселенцев из числа армян-

ской знати, будь то нахарары или азаты, переходила в православие, рассматривая это как необходимый шаг для начала своей карьеры на византийской службе. Данный процесс начался еще в иконоборческий период, а к концу X в. византийская элита армянского происхождения едва ли не доминировала в империи. В то же время рядовое городское и сельское население восточных фем империи сохраняло традиционную культуру и приверженность «национальным» церквям. Так, армяне Мелитены, Севастии и соседних районов активно участвовали в мятежах Варды Склира и Варды Фоки. После подавления последнего из них Василий II репрессировал армяно-григорианский клир, запретив армянское богослужение в Севастии. Преследования имели место и позже, о чем сообщает Маттэос Урхайеци.

В целом можно констатировать, что репрессии против клира и насильственное обращение в православие переселенцев (сирийцев и армян) имели целью последующую эллинизацию новых жителей приграничных районов в конфессиональном и более широком культурном плане.



Е.В. Степанова
(Санкт-Петербург)

ПОНЯТИЕ «Н ΔΥΣΙΣ» НА ВИЗАНТИЙСКИХ ПЕЧАТЯХ*

Необходимость определения понятия «Н ΔΥΣΙΣ» была вызвана исследованием византийских печатей, в легендах которых присутствует данное географическое название. Это печати военных и гражданских чиновников, включая domestikov схол (после разгрома при Манцикерте просто domestikov или великих domestikov), топотиритов, анаграфевсов, эксисотов, эпоптов, коммеркиариев и ряда других должностных лиц. На некоторых печатях фигурирует географическое понятие «весь Запад». Печати Запада хронологически ограничены. Наиболее ранние из них датируются IX в., наиболее поздние – XII в., большая часть печатей относится к X–XI вв.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Византийские печати с географическими названиями из собрания Государственного Эрмитажа», проект № 08-01-00318.

Особого внимания заслуживает печать Евстафия, императорского спафария и главы ведомства Запада, относящаяся к первой половине IX в. (собрание Эрмитажа). Что подразумевается под «ведомством Запада», непонятно, данные о его существовании отсутствуют. В этой связи упомянем также печати Фоки, императорского спафария и стратига Востока, также датируемые первой половиной IX в. И в одном и в другом случае речь может идти о неизвестных по письменным источникам административных структурах.

Вплоть до X в. Византийская империя делилась на Запад (Н ΔΥΣΙΣ) и Восток (Н ΑΝΑΤΟΛΗ). Это деление базировалось на позднеантичной традиции: Восток включал территории *praefectura praetorio per Orientem*, куда входили Фракия и Македония; а понятие Запада соотносилось с Иллириком. В первой половине X в. формируется новый принцип деления империи на Восток и Запад, при котором под Востоком уже подразумевается территория к востоку от Константинополя, а под Западом – к западу от столицы. В письменных источниках понятия «Восток» и «Запад», как правило, «размыты» и дублируются понятиями «Азия» (часто имеется в виду Малая Азия) и «Европа».

Несмотря на то, что легенды печатей, как правило, содержат определенные данные, смысл географического названия «Н ΔΥΣΙΣ» на печатях чиновников также не всегда удается установить. В ряде случаев оно, возможно, относилось не ко всей территории к западу от Константинополя, а только к ее части, но непременно на Балканах.



Н.И. Храпунов
(Симферополь)

ОБ АДМИНИСТРАЦИИ БОСПОРА В V В.

Долгое время историки полагали, что Боспорское царство прекратило свое существование в 70-е гг. IV в. под ударами гуннов, но изыскания археологов показали, что это не так. В эпиграфических документах упомянуты несколько должностных лиц царской администрации, известна иерархия этих должностей. Однако не все вопросы, связанные с датировкой, прочтением и интерпретацией памятников были решены однозначно. В настоящем сообщении предпринимается попытка представить систему государственного управления на Боспоре в V в.

Известно, что царь именовался династическим именем Тиберий Юлий и титулом «друга цезаря и римлян», унаследованных от боспорских правителей первых веков н.э. Вполне вероятно, что его имя должно было свидетельствовать не столько о связях с империей, сколько о преемственности от прежних боспорских владык. Титул «благочестивого» в сочетании с крестами, вероятно, говорит об официальном характере новой религии. Царь заявлял о себе как о независимом боспорском монархе, пусть и союзнике Византии. О том же свидетельствует и отсутствие Боспора в официальных списках имперских провинций. Установить границы территории царства вряд ли возможно; ясно только, что часть надписей найдена на европейском, часть – на азиатском берегу Боспора. Цари уже не имели права или возможности чеканить монету.

Эпарх – должность, очевидно, заимствованная из империи. Это не был византийский чиновник, поскольку титул его не указан. В Византии были разные эпархи, как военные, так и гражданские. На Боспоре могла быть заимствована любая из этих должностей. Известно, что Боспорский эпарх имел отношение к крепостному строительству, но не был непосредственным распорядителем работ, а стоял на более высокой ступени в администрации.

Должность комита также встречается на Боспоре, она также была заимствована из Византии. В империи существовало множество должностей комитов, принадлежавших к военной, гражданской или фискальной администрации. Вполне возможно, что на Боспоре было несколько комитов с разными полномочиями, в надписях зафиксированы не менее двух таких чиновников. Один из комитов, как и эпарх, участвовал в организации строительства, но не был непосредственным распорядителем работ.

В отличие от эпарха и комита, должность эпистолария известна на Боспоре по надписям I–III вв. Исследователи считают его личным секретарем царя или таможенным чиновником. Функции этого должностного лица можно интерпретировать и как судебные. Это был достаточно высокий пост – не случайно его занимало лицо, бывшее также комитом, и в надписи оно стоит выше двух других чиновников (протокомита и эпимелета).

Должность протокомита (глава сельской общины) восстанавливается в «надписи Дуптуна». Неизвестно, возникла ли эта должность независимо или была заимствована из малоазийских или, что менее вероятно, ближневосточных провинций Византии. Вероятно, протокомиты возглавляли разные сельские поселения.

Должность эпимелета известна из той же надписи. Ранее эпимелеты известны на Боспоре во II – первой половины III в. Еще ряд надписей упоминают об эпимелетах в боспорских городах. Данная магистратура могла быть коллективной. Эпимелеты выполняли поручения царя и государственных чиновников. Известно также, что они могли действовать по поручениям частных лиц, выполняя, как правило, функции непосредственных распорядителей строительных работ. Вопрос о регулярности данной должности и принципах назначения эпимелетов остается дискуссионным.

Итак, в V в. на Боспоре сохраняются некоторые должности, существовавшие в первые века н.э. Новые должности возникают, по крайней мере частично, под византийским влиянием. Допускалось совмещение постов. Преемственность отражается не только должностями, но и сохранением принципов организации строительства и датировок официальных документов.

Дата завершения существования Боспорского царства остается дискуссионной. Отметим лишь, что к началу правления Юстиниана I Боспор уже подчинялся гуннам. После того, как Юстиниан сумел присоединить Боспор к Византии, о прежней правящей династии уже не вспоминали. На Боспоре была создана военная и гражданская администрация по византийскому образцу.



Д.А. Черноглазов
(Санкт-Петербург)

ЖАЛОБЫ НА БОЛЕЗНИ
В ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСЬМАХ IX–XIII ВВ.:
К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЭТИКЕТА

В византийской эпистолографии существовала сложная система этикетных правил. Определенные мотивы и клише были предусмотрены для каждой распространенной эпистолярной ситуации. Некоторые традиционные формулы восходили еще к поздней античности, но, в то же время, эпистолярный этикет на протяжении столетий заметно менялся, отвечая метаморфозам литературного вкуса. Важная задача для византинистики – изучить нормы эпистолярного этикета, выяснить их происхождение и проследить эволюцию.

Данное сообщение посвящено одной эпистолярной ситуации – жалобе на болезнь. В своих письмах византийцы нередко сетовали на телесную немощь, недуг зачастую служил этикетным оправданием затянувшегося молчания эпистолографа. В связи с этим, считаем необходимым, охарактеризовать нормы, предписанные этикетом для этого случая, проследить их эволюцию на протяжении средневизантийской эпохи (IX – начало XIII в.) и проанализировать, каковы были причины этой эволюции.

Эпистолографы IX–X вв. часто пишут о своих болезнях, но почти всегда ограничиваются краткими упоминаниями о них. Как правило, употребляются традиционные мотивы и лаконично-абстрактные формулы, воспринятые из ранневизантийской эпистолографии – из писем Василия Великого и Иоанна Златоуста. Какие-либо конкретные сведения о болезнях сообщаются крайне редко, можно указать лишь единичные примеры.

Ситуация заметно меняется к середине XI в. Начиная с Михаила Пселла, авторы писем не только сообщают о своих недугах, но и детально их описывают. Наиболее подробные рассказы обнаруживаются в посланиях Феодора Продрома и Иоанна Апокавка. Для стиля этих описаний характерно сочетание нарочито натуралистических деталей и медицинской «учености». Нередко присутствуют и элементы гротеска, придающие «жалобе» отчетливый юмористический оттенок. Подобные пассажи совершенно нетипичны и для писем эпохи Македонского ренессанса, и для ранневизантийской эпистолографии.

Чем обусловлено столь явное изменение эпистолярного этикета? Эволюция этикетных норм письма отражает общую тенденцию в развитии византийской литературы. Известно, что византийские интеллектуалы XI–XII вв. питали немалый интерес к медицине и физиологии. Этот интерес накладывал заметный отпечаток на литературное творчество византийцев: с одной стороны, собственно медицинские трактаты облекались в изящную литературную форму, а с другой – в «высокую» литературу решительно входила медицинская лексика и тематика. Научные рассуждения о болезнях, детальные описания их симптомов и внешних проявлений можно найти во многих текстах комниновской эпохи. Такие описания появляются даже в тех жанрах, для которых они прежде были отнюдь не характерны – например, в агиографии и эпидейктическом красноречии. Показательные примеры: житие Мелетия Нового и речи Феодора Продрома, эпитафии Григория Антиоха, *Hodoi-rogon* Константина Манасси. Под воздействием этой тенденции, наряду с риторикой и другими жанрами, оказалась и эпистолография.



А.В. Шаманаев
(Екатеринбург)

ВКЛАД В.Н. ЮРГЕВИЧА В ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

В XIX – начале XX в. античные и средневековые древности Крыма входили в круг интересов Одесского общества истории и древностей (ООИД), первого археологического общества в России (создано в 1839 г.). В последние годы отмечается рост интереса к изучению деятельности отдельных членов общества (Н.Н. Мурзакевич, А.Л. Бертье-Делагард, Э.Р. фон Штерн и др.). На этом фоне меньше внимания оказалось уделено В. Н. Юргевичу (1818–1898), одному из руководителей ООИД и исследователю античных и средневековых памятников Крымского полуострова (см. В.А. Яковлева, Э.Р. фон Штерна, А.А. Непомнящего).

Владислав Норбертович Юргевич родился в семье секретаря совета Виленского университета в 1818 г. Среднее образование он получил в Виленском, а затем в Ковенском училищах. После окончания историко-филологического факультета Главного педагогического института (Санкт-Петербург) в 1841 г. ему была предоставлена двухгодичная стажировка в Германии. В Лейпцигском университете его куратором был один из виднейших представителей немецкой школы классической филологии И. Г. Герман (1772–1848). Под руководством этого ученого В.Н. Юргевич достиг совершенного знания классических языков, что впоследствии позволило ему осуществлять научные переводы источников по истории Крыма. После возвращения в Россию молодой ученый был назначен в Харьковский университет (1844), где защитил магистерскую диссертацию (1847) и получил должность адъюнкта профессора греческой и римской словесности. В 1858 г. В.Н. Юргевич покинул Харьков, став профессором римской словесности Ришельевского лицея в Одессе. После реорганизации лицея в Новороссийский университет (1865) и защиты докторской диссертации (1867) он занимал должность профессора до отставки в 1877 г. В 1883 г. он вернулся к чтению лекций, не занимая штатной должности в университете, но в 1887 г. окончательно отказался от преподавания.

Переехав в Одессу, В.Н. Юргевич подключился к деятельности ООИД, постепенно став одним из его активных сотрудников, а со временем фактическим руководителем. В 1859 г. он был избран действитель-

тельным членом общества, в 1865–1866 г. исполнял обязанности помощника секретаря, с 1869 г. неизменно входил в состав издательского комитета, в 1875 г. его избрали секретарем ООИД, а в 1883 г. он сменил скончавшегося Н.Н. Мурзакевича на посту вице-президента, одновременно заняв пост хранителя музея общества (до 1895 г.). Тридцатилетие трудов В.Н. Юргевича в ООИД коллеги отметили избранием его в почетные члены (1889).

В своих исследованиях В.Н. Юргевич обращался к различным периодам истории Крыма (античность, средневековье, XVIII–XIX вв.). В сфере его научных интересов были вопросы эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, истории, археологии. Кроме того, он принял участие в решении проблем сохранения памятников старины и разработке методики археологических раскопок.

Антиковедческие разработки В.Н. Юргевича, преимущественно, были связаны с изучением эпиграфических памятников Ольвии, Херсонеса, городов Боспорского царства. Особое значение приобрели его исследования клейм на ручках амфор из античных центров Северного Причерноморья. Разработки ученого способствовали введению в научный оборот этого нового, для Северного Причерноморья, вида источников.

Другим направлением научной деятельности В.Н. Юргевича стало изучение средневековой истории, особенно вопросов связанных с существованием итальянских колоний в Крыму. Так, ученый выявил и опубликовал более 40 эпиграфических памятников из Феодосии, Судак и Балаклавы. Стоит отметить новизну подхода в представлении материала. В.Н. Юргевич не ограничивался функциями переводчика, а стремился дать максимально полное описание объекта, обстоятельства его обнаружения, степень сохранности, восстановить исторический контекст его возникновения. Такой же стиль работы характерен и для его работ по нумизматике Кафы, а также перевода «Устава» генуэзских колоний 1449 г. В 1880-х гг. В.Н. Юргевич обратился к изучению печатей средневекового Херсона. Всего он издал 15 памятников, в том числе, впервые были опубликованы находки, полученные в результате научных раскопок ООИД на городище.

Заслуживает внимание деятельность В.Н. Юргевича как организатора научных исследований и охраны памятников Крыма. Так, на VI Археологическом съезде в Одессе (1884) он выступил с программой археологических исследований в Новороссийском крае. В 1884–1885 гг. ученый осуществлял научное руководство раскопками в Херсонесе, в связи с чем, он разработал инструкцию для непосредствен-

ного руководителя работ. Документ содержит указания по методике раскопок и организации мер по сохранению памятника. Исполняя обязанности вице-президента ООИД, В.Н. Юргевич принял участие в организации реставрации и обеспечении сохранения Мелек-Чесменского кургана в Керчи, башни Константина в Феодосии, построек Судакской крепости.



СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-----------|
| Вступительное слово | 3 |
| Алексеевко Н.А. Моливдовулы из византийского Херсона: находки прежних лет из частных собраний | 5 |
| Байер Х.-Ф. Корпус писем Григория Кипрского | 8 |
| Барабанов Н.Д. Византийский приход: между христианством и язычеством | 9 |
| Баранов Н.Н. Имперская мифология в государственной пропаганде вильгельминской Германии | 11 |
| Бармина Н.И. Базилика: пространство совершения христианских обрядов | 12 |
| Болгов Н.Н., Красникова Е.А. Ранневизантийский Боспор: проблемы континуитета | 14 |
| Бондач А.Г. Правовые идеи Иоанна Зонары в поствизантийской юридической традиции (на примере Пидалиона) | 16 |
| Боровков Д.С. Эволюция ведомства логофета стратиотиков в X–XI вв. | 18 |
| Боровков П.С. Понтификат и структура <i>cursus honorum</i> в Римской Республике IV–II вв. до н.э. | 20 |
| Бородина Е.В. Рецепция права в гражданско-правовой практике Российской империи в первой четверти XVIII в.: сравнительно-исторический анализ | 23 |
| Высокова В.В. Имперский дискурс сочинения Эд. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» | 26 |
| Гаген С.Я. «Черный миф» о Византии в историческом сознании России и Европы | 28 |
| Герд Л.А. Священные предметы в византийском каноническом праве | 29 |
| Гинькут Н.В. Византийская поливная керамика XIV в. из крепости Чембаломики) | 30 |
| Деминцев М.С. Последняя «драма» Михаила VIII Палеолога (к вопросу о восприятии смерти в Византии) | 32 |
| Евдокимова А.А., Луховицкий Л.В. Эскуриальская рукопись У-II-7 (200-205). Первый Антирретик против Иоанна Грамматика: лингвистические, палеографические и филологические особенности | 34 |
| Еманов А.Г. Культура омовения в периферийном городе Латинской Романии | 36 |

| | |
|--|----|
| Зайков А.В. Элидский жрец в Спарте: рецидив архаической традиции? | 38 |
| Замятина О.В. О снабжении византийцев зерном и мясом в письме патриарха Григория Кипрского 1284 г. | 42 |
| Kanev N. Notes sur certains aspêts de la politique extérieure de la Bulgarie à la deuxième moitié de IX ^e siècle | 43 |
| Козлов А.С. Origo Constantini imperatoris – противоречия тенденциозности документа | 46 |
| Козлов С.А. Эпические черты в монодии Михаила Италика на севастократора Андроника Комнина | 48 |
| Колбин С.Ю. Взаимоотношения готов и Восточной Римской империи в IV в.: конфессиональный аспект | 50 |
| Колотова О.Е. Родос под властью Ордена госпитальеров: проблема пиратства | 51 |
| Комлева Ю.Е. К вопросу о первом университете: императорский университет в Константинополе | 53 |
| Konstantinov K. An Old-Bulgarian settlement in the area of Badalatsite, near the village of Harsovo, Novi Pazar district | 55 |
| Курешева М.А. Монастырские библиотеки и средневековая реставрация греческих рукописей из собрания Государственного исторического музея | 57 |
| Кучма В.В. К проблеме континуитета в византийской полемологии: Ификрат – Полиэн – Лев VI Мудрый | 58 |
| Куш Т.В. Социальный мир в корреспонденции Димитрия Кидониса | 60 |
| Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Штрихи к научной биографии Г.Л. Курбатова | 62 |
| Макаров Д.И. Иоанн VI Кантакузин как полемист | 65 |
| Медведев И.П. Спор с Учителем о значимости личности Георгия Гемиста Плифона | 67 |
| Моисеев Д.А. Византийские традиции в производстве керамических строительных материалов Юго-Западной Таврики (на примере коллекции плинфы из раскопок Мангупа) | 69 |
| Мохов А.С. Микроструктуры византийской военно-административной (фемной) системы X–XI вв. в современной историографии | 71 |
| Науменко В.Е. К истории византийской Таврики в X–XI вв.: политико-административный аспект | 74 |

| | |
|---|------------|
| Непомнящий А.А. Новые архивные документы к истории изучения Эски-Кермена | 75 |
| Орецкая И.А. К вопросу о византийских рукописных центрах конца XI в. на примере иллюстрированных рукописей литургических Гомилий Григория Назианзина | 78 |
| Охлупина И.С. Тема детства в агиографической литературе средневизантийского периода | 80 |
| Пашкин Н.Г. Реакция Запада на падение Константинополя: Регенсбургский рейхстаг 1454 г. | 82 |
| Поляковская М.А. Adoratio в контексте византийской церемониальной культуры: эволюция ритуала | 84 |
| Реш Д.Д. Симеон Фессалоникийский: епископ-юродивый? | 86 |
| Романчук А.И. Представления о византийском городе М.Я. Сюзюмова и материалы раскопок Портового района Херсонеса | 88 |
| Рубцов П.В. Аммиан Марцеллин в Риме: проблемы доказуемости | 89 |
| Семенов О.В. К вопросу о времени возникновения системы регулярного сообщения в Нижнем Прииртышье | 91 |
| Серов В.В. «Нумерология» Прокопия Кесарийского | 93 |
| Степаненко В.П. Миграционные процессы и переселенческая политика в Византии X в. | 95 |
| Степанова Е.В. Понятие «Н ΔΥΣΙΣ» на византийских печатях | 97 |
| Храпунов Н.И. Об администрации Боспора в V в. | 98 |
| Черноглазов Д.А. Жалобы на болезни в византийских письмах IX–XIII вв.: к проблеме эволюции эпистолярного этикета | 100 |
| Шаманаев А.В. Вклад В.Н. Юргевича в изучение и сохранение памятников Крыма | 102 |

Уважаемые коллеги!

В 2010 г. исполняется 50 лет со дня издания первого выпуска научного сборника «Античная древность и средние века». С 1960 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета им. А.М. Горького были подготовлены 39 выпусков издания. За это время сборник «Античная древность и средние века» (сокр. – АДСВ) вошел в число ведущих отечественных научных изданий по византиноведению. На страницах АДСВ представлены исследования преподавателей высших учебных заведений, сотрудников научно-исследовательских институтов и музеев России, Украины, Австрии, Германии, Болгарии, Польши и других стран. Тематика сборника: проблемы истории и культуры Древней Греции, Древнего Рима, Византии и стран византийского культурного круга. В научных публикациях рассматривается широкий спектр вопросов экономической, политической, духовной истории, сигиллографии, археологии, истории искусства и историографии античности и средневековья. В настоящее время кафедрой готовится издание очередного, 40 выпуска сборника «Античная древность и средние века», который посвящен 50-летию Уральской школы византиноведения.

В последние годы Научная библиотека Уральского государственного университета успешно реализует проект «Электронный архив УрГУ». Благодаря этому полнотекстовые версии выпусков сборника «Античная древность и средние века» (Вып. 1-39) без ограничений доступны: <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/2187>

Редколлегия АДСВ

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, Уральский государственный университет им. А.М. Горького, кафедра истории древнего мира и средних веков, Редколлегия АДСВ; тел. (343) 350-75-38, e-mail: rkb2004@yandex.ru

Научное издание

**Проблема континуитета в византийской
и поствизантийской истории**

Тезисы докладов XIII Международных научных
Сюзюмовских чтений, Екатеринбург 18-20 ноября 2010 года

Оригинал-макет:
А.С. Мохов, А.В. Шаманаев

Подписано в печать 03. 11. 2010. Формат 60 × 84/16. Усл. печ. л. 5,9.
Тираж 100 экз. Заказ 414.

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51